

Николай Башев

Про жизнь...

Стихи и басни

г. Кемерово

2016 год

Об авторе.

Николай Алексеевич Башев родился в 1946 году в деревне Ольговка Яйского района Кемеровской области.

Окончил Мариинский сельскохозяйственный техникум, Новосибирский сельскохозяйственный институт.

Работал ветеринарным врачом, зоотехником, заместителем директора по производству, директором в хозяйствах Кемеровской области.

Избирался секретарем Яшкинского райкома ком.партии, народным депутатом Советского союза, главой поселения.

В настоящее время работает директором Колмогоровского дома культуры.

Первое стихотворение написал в 1972 г., первую басню в 1980г.

В 2011 году издан первый сборник стихов «Разговор с богом»

В 2012 году издан сборник стихов и басен «Откровение»

В 2013 году издан сборник стихов и басен «И это время со мной...»

В 2015 году издан сборник «Басни».

Является соавтором сборника стихов «А память прошлое хранит», который издан ко дню Победы в 2012 году. Сборник назван строкой из его стихотворения.

Стихи и басни Николая Башева печатаются в журнале «Огни Кузбасса», альманахах «Содружество» Яшкинской студии «Светлица», а также в местных газетах «Яшкино» и «Яшкинский вестник». Особое место в его творчестве занимают басни.

Творчество Николая Башева

Наверное, уважаемый читатель, ты неоднократно задумывался над вопросом: почему в наше сегодняшнее время, являющее собой весьма благоприятную почву для написания басен (оговоримся, а в какие веки оно было не благоприятным?) мало кто берется за это ремесло. Ответ напрашивается один: трудное это дело, очень трудное. Баснописцы – редкое явление в литературе. Баснописцу, чтобы аллегорически изобразить человеческие поступки и социальное отношение через персонажей людей, животных, птиц, растений, необходимо обладать не только здоровым юмором и сарказмом, но и достаточным поэтическим талантом.

Николай Башев с давних пор совершенствует своё поэтическое мастерство в жанре басни, и, на наш взгляд, мало оглядывается на басенное наследие великих предшественников, к примеру, И. Крылова, во всяком случае, не пытается подражать им, а идет своим путем. Басни его разнообразны и современны по тематике, написаны простым, без изысков, языком. Прототипы его басенных персонажей легко узнаваемы и встречаются нам, к сожалению, довольно часто.

Возьмем басню «Охотники». Ох, как нам не узнать в некоторых окружающих нас людей лис, добивающихся многого угодничеством и лестью.

Или как нам не согласиться с моралью басни «Три пса».

Хозяин плох, коль он не понимает:
Не тот хороший пес, что громко лает,
А тот, кто молча дело исполняет.

Не буду лишать тебя, дорогой читатель, возможности самому убедиться на сколько наблюдательный и зоркий глаз у Николая Алексеевича, на сколько выпуклый и явственный герой его басен. Согласитесь, что здесь без душевной заинтересованности и, конечно, без таланта дело не обошлось.

Среди стихотворений, включенных Николаем Башевым в эту книгу «Про жизнь», обращает на себя внимание трогательной теплотой и искренностью чувств стихотворение «Руки матери».

И чтобы горе промелькнуло тенью,
И слабости рукам тем не знаять,
Я перед мамой встану на колени,

И буду эти руки целовать...

Многие поэты пишут о матери, о своей неизбывной любви к тем, кто подарил им жизнь. Сказал свое благодарное сыновье слово и поэт Николай Башев.

Нельзя, не получается без глубокого горестного волнения и повлажнения глаз читать его стихотворение об отце, погибшем на войне, но поднявшемся, пусть даже во сне, чтобы собой закрыть сына от фашистского штыка.

Фашист на встречу, штык наперевес,
Оскалил зубы, словно злобный бес.
Один лишь шаг и вот он мой конец,
Но тут меня закрыл собой отец...

Такую книгу, такие стихи надо читать, читать вдумчиво, не в пробежку, наполняя свою душу теплом и светом.

Мне думается, у Николая Башева есть свой читатель и в первую очередь его земляки, герои его произведений, они же его критики, потому как жизнь и творчество поэта связаны крепкими родовыми узами с прекрасной сибирской землёй и жителями родной глубинки.

Автору хочется пожелать новых вдумчивых, глубоких, душевных стихов. Дарование для этого у Н. Башева есть. Удачи!

Борис Бурмистров, поэт, член Союза писателей России.

Басни

Охотники

Однажды лев, медведь, лисица,
Решив добычей поживиться,
Пошли охотиться втроем,
Чтобы насытиться потом.
Добычи много наловили
И на поляну положили.
Прежде чем голод утолить,
Добычу нужно поделить.
Медведю лев сказал: «Дели,
Не ошибись только смотри!»
А мишка, голодом измучен,
Всё быстро разложил в три кучи,
Старался, поровну делил,
Льву выбрать кучку предложил.
Лев разозлился, зарычал,
Медведя на куски порвал.
Лисе же предложил он злобно:
«Ну, покажи, на что способна».
Та в одну кучу всё сложила,
Себе лишь мышку уделила.
Довольный лев спросил лису:
«Кто научил тебя в лесу
Быть ловкой в деле же такой?»
«Медведь разорванный тобой,-»
Голодная лиса сказала
И в лес подальше убежала.

Три пса

Три пса усадьбу охраняли,
Покоя по ночам они не знали.
Служили верно, как могли,
Добро хозяйское усердно стерегли,
Подходы разные к работе той имели,
Но вместе добивались нужной цели.
Один из них всегда молчал,
Грабителей клыками он встречал,
Других два пса завидев вора,
Скорей бежали от забора
И прятались за дровяным сараем,
При том же заливались громким лаем.
Хозяин ночью действий их не видел,
На молчаливого он затаил обиду:
«Ну что за пес, совсем не лает»
И тех хвалил, что лают за сараем:
«Их лая испугались, видно, воры,
Мелькнули только пятки за забором».
Недолго думая, он пса того продал
Соседу, тот давно собак искал,
Хозяин же в надежде на двух псов
И на тяжелый металлический засов,
Спокойно спал со своей кралей...
В ту ночь его до нитки обобрали.

Хозяин плох, коль он не понимает:
Не тот хороший пес, что громко лает,
А тот, кто молча дело исполняет.

Челобитная

Лисица к волку на прием
Хотела по делам пробиться,
Но остановлена была секретарем:
«Постой лиса, не надо торопиться,
Волк занят очень, много нынче дел,
Ты ж знаешь, он делами управляет,
Кто записаться на прием к нему хотел,
Волку барашка или утку доставляют.
А ты с пустыми лапами пришла,
Без очереди прѣшься на пролом
Не будет волк решать твои дела,
Не скоро попадешь ты на прием»
Лиса поджала хвост и поскорей
К медведю с жалобой на волка подалась,
В округе он считался всех мудрей,
К тому же там держал он крепко власть.
В берлогу сунулась она, не тут-то было,
Там тоже грозный секретарь сидит:
«Куда лиса, чего тут позабыла,
Ты что не видишь, очередь стоит?
И на прием, чтобы к медведю записаться,
Нужно козла или телѣнка притащить,
Подумай, ты ведь можешь надорваться
А дел своих не сможешь разрешить»
Подумала лиса: «Себе дороже,
Чем выше ведомство, тем ноша тяжелей,
Баранчик или утка легче всё же
И поспешила к волку поскорей.

Критик

«Вот взять Крылова, что к чему
Никак я в разум не возьму.
«Лиса и виноград» читая,
Я просто недоумеваю:
Зачем лиса залезла в сад,
Не ест она же виноград?
А это что же за «Квартет»?
Ни слова правды в басне нет.
Друзья, мне не сдержать улыбки,
Козёл играет там на скрипке,
Никто такого не видал,
Как видно, баснописец врал.
А эта басня про мартышку,
Ну что же он, уж это слишком,
Очки мартышкам не нужны.
Здесь уточнения важны:
Уж если про очки писать,
То человека нужно взять!..»

Так критик разносил Крылова,
И пальцем тыкал бестолково
В великого поэта том,
Доволен был собой при том.

Про зубы

Крестьянин в старости зубов лишился
И сколько б за столом не суетился,
Не может разжевать куска,
Полуголодного грызет его тоска.
И вдруг услышал он намедни,
Что будто в городе соседнем,
Протезы людям делает дантист,
И в этом деле просто он артист.
Запряг кобылку в сани поскорей,
В карман засунул весь запас рублей
И покатил знакомыми полями
В больницу за протезными зубами.
К врачу попал без всякой суеты:
«Какие хочешь, дедушка, мосты?
Серебряные или золотые,
А может быть из платины литые?»
Прищурившись, дантист его спросил
«Мне, чтоб покрепче, нету больше сил,
Оголодал, как видишь, я совсем,
Порою кажется: сейчас собаку съем».
«Ну, что же, долго думать мы не станем,
Из платины протез тебе поставим.
Побудь за дверью, выпишу я счет,
Работу нужно оплатить вперед».
Открылась дверь, счет доктор подаёт,
Взглянул крестьянин, оторопь берет.
К деньгам, что он успел с собою взять,
Кобылу нужно было бы продать
И всю в селе усадьбу со скотом.
А чем питаться буду я потом?»

И долго еще думал: «Ну, дантист!
И верно говорят: большой артист».

Крот и Мышь

Однажды Мышка полевая,
От голода весьма страдая,
Прорыла норку в огороде
И хвостик откусила, вроде,
У репки, что росла на грядке,
Не нарушая там порядка.
Полакомилась Мышка всласть,
К себе обратно убралась.
Владеньям делая обход,
Хозяин вышел в огород.
И день хотя был очень светел,
Мужик ущерба не заметил.
Все это слышал Крот слепой,
Уткнувшись в грядку головой,
Подумал: «Чем я Мыши хуже ?
Мне тоже завтрак очень нужен.
Затарю на зиму запасы,
Мужик-то, вроде, не опасен».
И начал рыть он без оглядки,
Испортил в огороде грядки,
Все корнеплоды покусал.
На шум хозяин прибежал,
И, видя на земле разруху,
Кроту заехал палкой в ухо.
От боли корчась суетливо,
Он думал: «Как несправедливо
Со мной хозяин поступил,
За что меня он так избил?»

Что нашему Кроту ответить?
Малышку можно не заметить.
Но не равняй её с собой,
Когда ты учинил разбой.

Рады встрече...

Зима. Пурга, не видно света,
Толпа на площади Советов.
Зеваки мечутся гурьбой
И рассуждают меж собой:
«Иван, скажи-ка мне на милость,
Какое чудо приключилось,
Фасады красят вдруг зимой,
Ремонт ведут на мостовой,
Бордюры трут водой горячей,
С ума свихнулись, не иначе?»
«Фома, ты что, с луны свалился?
Ещё вчера слух прокатился,
Начальник едет к нам большой,
Ему мы рады всей душой.
Заборы красим неспроста,
Чтоб глаз ласкала красота.
Решили отличиться мы,
Кто ждал пургу среди зимы!»

Не раз такое мы видали,
Когда к нам гости приезжали.
Чтоб благосклонность их снискать,
Готовы и не то лизать.

Человек и змея

Змея почти что околела,
Так как давно уже не ела,
Валялась у обрыва на краю,
Тут человек заметил ту змею.
И жалость обуяла дурака:
«Сейчас налью тебе я молока
И хотя сам я вроде не богат
Но друга занять все ж буду рад.
Начнем людей мы веселить вдвоём,
Авось безбедно вместе заживём.
Буду на дудочке мелодии играть,
А ты под музыку ту будешь танцевать».

Змея пока совсем слаба была
Всё подтверждала, как могла
А человек змее, чтоб угодить
Всё молоко готов был ей скормить.
Она же постепенно отходила,
Вернулась к ней бывшая сила...
Не чуя близкую беду,
Принес тот человек дуду.
Когда же заиграл, змея вскочила
И зубы ему в руку запустила.
Прочь уползая прошипела:
«До танцев нет мне никакого дела,
А что касается друзей, всегда я рада
Смертельного загнать в их тело яда».

Маракасы

В оркестре маракасы – инструменты,
Можно сказать ненужные совсем,
Срывались и в отдельные моменты,
Шуршаньем злым надоедали всем:
«Зачем в оркестре нам труба нужна?
Её в футляре носят осторожно,
Мы думаем, не так она важна,
Без воя медных обойтись всем можно.
А что за звуки скрипка издаёт?
Как будто кошку дверью прищемили,
Наше шуршанье слышать не даёт,
А нам хотелось, чтобы нас хвалили».
Так осуждали они всех подряд:
«В оркестре многие не то заняли место».
Забыли, что когда они шуршат,
Не слушает никто их без оркестра.
И вот однажды так случилось вдруг,
То ли от ветхости, а, может, от обиды,
Переломались инструменты все вокруг,
Лишь маракасы не меняли вида.
Владелец – музыкант в руках их подержал,
Подумал: «Проку с них ни на копейку».
Взмахнул, немного ими пошуршал
И за ненадобностью бросил под скамейку.

Не будь среди друзей на службе шавкой,
Придет момент, окажешься под лавкой.

Кукушка с претензиями

Кукушка в суд прошение подала,
Чтобы привлечь детей своих к ответу:
«Я стала старая, плохи мои дела,
Голодная, больная, денег нету.
Пусть мои дети обеспечат мне уют,
Накормят, обогреют, обошьют»
Сова – судья, увидев то прошение,
Глазами хлопает сидит от удивленья:
«Послушай-ка кукушка, что за бред,
Все знают, ты всю жизнь одна летала,
Детей у тебя не было, и нет.
Ты их в зародыше по гнездам разбросала.
Другие птахи, надрывались целый день,
Твоих подкидышей кормили неустанно,
Тебе же ими заниматься было лень,
Претензии твои довольно странны.
Но если даже удовлетворить
Судебный иск, что им бы предъявляли,
Не смогут приставы в лесу их отловить,
Они твои уловки переняли»

Как бы ни горько было это отмечать,
Всё чаще нам приходится встречать
«Кукушек», что детей своих бросают.
Когда же старость, немощь наступают,
Вот тут они о детях вспоминают.
Им же претензии «кукушки» предъявляют.

Флюгер и труба

Железный флюгер, под порывом бури,
Вниманье привлекал к своей фигуре.
Перед печной трубою распинался,
На крыше рядом он располагался:
«Смотри, труба, что я творить умею
И бурей и ветрами, всем владею,
Лишь стоит мне на север повернуть,
Туда же ветер начинает дуть.
А повернусь я с севера на юг,
То бурей заморожу всё вокруг.
И направление дождя могу менять
И снежную метелью управлять».
Так хвастал он, от самолюбия дрожа,
Под ветром и дождем проела его ржа.
Заскрежетал, со скрипом прокрутился,
Заклинило его и он остановился,
А ветер в разных направлениях гулял.
Сердился флюгер, недоумевал:
«Что это значит, я гляжу на юг,
А ветер повернул на север вдруг?»
Простую истину он не хотел понять,
Не в силах флюгер ветром управлять.
Труба же глядя на него сказала:
«Ну наконец-то это чудо замолчало,
Ишь возомнил, что ветром управлял,
Благодарил бы, что в струю его попал.
Да и вообще на крыше был не нужен,
С работой флюгера справлялась я не хуже,
Когда топилась печь, и из меня шёл дым,
Показывал он людям городским
Откуда ветер дует и куда.
Сломался флюгер, это не беда».

Друзья! Дела такие нам не новы,
К большим событиям примазаться готовы
Людишки мелкие, а позже всем болтают,
Будто они происходящим управляют.

Две реки

Две речки спор вели между собой.
Одна из них, сверкая с гор стекала,
Другая, убажывая свой покой,
Вся в ряске, так сестрицу упрекала:
«Куда летишь и мечешься зачем,
Об камни бьёшься, грохот создавая?
Мне жаль тебя, измучилась совсем,
Усердие твоё никто не замечает».

На солнышке блеснув небесной синевой,
Стремительная речка отвечала:
«Зачем спешу? Таков характер мой,
Торю свой путь, вбираю минералы.
Усталый путник, птица или зверь
Пьют с наслаждением мою живую воду.
И множество лугов я напою, поверь,
Когда в долину вырвусь на свободу».

Вновь зашумев, сверкая серебром,
Разбрызгивая пену, вдаль помчалась.
А мутная река, в ложбине за бугром,
В болото постепенно превращалась.

Так я себе две жизни представляю,
Одна бурлит, добром бьёт через край,
Другая медленно без дела загнивает.
Тебе решать, любую выбирай.

Пчела и муха

Однажды муха встретила пчелу
И говорит «Ну, что за жизнь такая,
Летаю целый день я по селу
И лишь навоз и грязь везде встречаю.
И не возможно мне нигде присесть,
Везде стараются прогнать меня скорее,
К столу я подлетела, чтоб поесть,
Убить меня хотят, нисколько не жалеют.
Присела на корову, та хвостом,
Что было силы, чуть не захлестнула,
С испугу занесло в соседний дом,
Хозяйка тряпкой в унитаз меня смахнула.
Скажи, как заслужила ты почет
И уваженье у людей добилаась?
Ведь каждый человек тебя к себе зовет
И домик строит, чтоб ты поселилась.»
Ответила с усмешкою пчела:
«Летаешь ты с навоза к унитазу
И целый день в грязи твои дела,
По нашему селу разносишь ты заразу.
Я же с утра, как солнышко встает
Спешу собрать нектар с цветов красивых,
И из него готовлю вкусный мед,
Чтоб угостить людей трудолюбивых...»

Вот так среди людей: один разносит грязь
И удивляется, что все его не любят.
Перед другим цветов прекрасных бязь,
Он сам живет, жить помогает людям.

Волки и собаки

Собаки стали похваляться:
«Чего, мол, нам волков бояться,
А если стаей нападём,
Любого волка загрызём.
А если громко все залаем,
Всю волчью стаю распугаем.
К тому же в битве средь полей
Намного мы волков умней».
Вожак волков, услыша это,
Созвал всю стаю для совета:
«Противно слушать брех собачий,
Псы оборзели, не иначе,
Чтоб пустобрехство прекратить,
Должны собак мы проучить.
Их в поле выманить нам нужно
И там наброситься всем дружно.
Наверняка чтоб победить,
Должны мы стаю поделить.
Отправим два больших отряда
На поле, с двух сторон в засаду,
В деревню третий, на удачу,
Чтоб ухватил их взор собачий».
Как словом, так и делом стало,
Заметили собаки стаю,
Навстречу кинулись волкам,
Есть поработать где клыкам.
Но волки быстро развернулись,
И в лес стремительно метнулись.
Собаки, чувствуя победу,
Во весь опор летят по следу
И рассуждают на ходу:
«Нарвались волки на беду».
Вдруг в ужасе собаки взвыли,
Их волки быстро окружили.
Недолго длился этот бой,
Не возвратились псы домой.

Такой сюжет я вам загнул.
Все ж между делом намекнул:
«Перед врагом не хвастай, милый,
Померяйся с ним прежде силой».

Сапоги и туфли

Презрительно носы воротят туфли,
Пеняют злобно грязным сапогам:
«От вашей вони мы уже опухли,
Нельзя ль по тротуару топать вам?»
Но вот однажды, раньше, чем обычно
Хозяин бросил сапоги за дверь,
Они смотрелись как то непривычно,
Подошв и стелек не было теперь.
Доверчиво на туфли покосился,
Затылок свой в раздумье почесал:
«Ну вот, подарок вроде пригодился».
Надел, а сапоги в ремонт отдал.
Спешит на ферму, нет там тротуара,
По грязи и навозу напрямик.
Скривились туфли, словно от пожара,
Фасонно - горделивый блеск поник.
И верно, проскрипев еще неделю,
Потрескались и разошлись по швам.
В деревне туфли только для безделья.
А мой поклон практичным сапогам!

Про клопа

Однажды клоп пробрался во дворец
«Напьюсь я царской крови наконец»
Так думал он, спускаясь по стене
К тому, кто спал внизу на простыне.
Вот наконец дополз, крови напился
И в щель к своим сородичам свалился.
Там зашумел: «Поведать вам я рад,
Великому царю теперь я брат,
А так как крови стал я с ним одной,
Хочу немедля управлять страной».
Тут старый клоп его остановил:
«Немыслимое ты вообразил
Шумишь и радуешься зря,
Добраться трудно до царя,
А тот, с кого свалился ты, холоп,
Его кусает каждый клоп,
У входа он затем лежит,
Чтобы в покои не пробрался паразит».

Коль во дворец попал, внимательно смотри,
Не думай, что живут там лишь цари,
И каждому ладонями не хлопай,
И во дворце достаточно холопов.

Пустое ведро

Звенит, гремит ведро пустое:
«Не видим, ведра, мы покоя.
То наливают воду в нас,
То молоко, то кислый квас,
Порой песок в нас насыпают,
Иль землю грязную таскают,
Бьют по бокам, и что есть мочи,
Швыряют наземь, между прочим».

Гремело так оно, меж тем
Ведь было новое совсем.
Оно давно в Колхозном доме
Стояло на окне в парткоме.
И ложкой по нему стучали -
Всех на собранье приглашали.
И в то окно оно, бывало,
Подруг своих не раз видало,
В них насыпали то и дело
Все то, о чем оно звенело.

Выборы в лесу

Осел на выборы пришел
И голос свой отдал за травоядных.
В победе их уверен был осёл,
Он с хищными боролся беспощадно.
И знал, что травоядных большинство,
Дружно в стада они объединились,
И чувствуя победы торжество,
Успехами воистину гордились.
Когда же огласили результаты,
Осёл издал протяжный горький рёв,
Заняли хищные парламента палату,
Они набрали больше голосов.
Как жаль осла ! Причина же простая
В комиссии вершили все дела:
Медведь, шакал и злая волчья стая,
Лиса же председателем была.

Скупой осел

Один Осел работал на износ,
Все в дом тащил и прятал в кладовой.
Ни разу в жизни не едал овес,
Питался лишь соломою ржаной.
И все мечтал, что скоро заживет,
Еще лишь малость самую подкопит.
Тогда уж точно пыль с ушей стряхнет
И в сытости нужду свою утопит.
Однажды подрядился на извоз,
Но груз тяжел, а он давно не кушал.
Натужился, чтоб с места сдвинуть воз,
Упал и богу отдал свою душу.
Ослица же недолго горевала,
Солому надоело ей жевать.
Все припасенное Ослом достала,
С Козлом знакомым стала пировать!
И захмелев, потрянув широкой грудью,
Вприсядку гопака плясать пошла.
Козел же молотил ногою в бубен,
Обшитый шкурой мертвого Осла.

Скряга все впрок норовит отложить,
Будто бы жить собирается вечно,
Над каждою крошкою хлебной дрожит,
Забывши, что жизнь быстротечна.

Проводы Осла

В одной лесной конторе юбилей:
Осел до круглой даты дотянул.
А так как был он полный дуралей,
Начальник Лев ему и намекнул:
«Ну что, дружок, на пенсию пора,
Отметим завтра день рожденья твой,
С плеч свалится твоих забот гора:
Ты выработал стаж свой трудовой».

«Мы без тебя не справимся теперь», -
Коза сказала, выпив коньячку.
«В работе ты незаменимый зверь», -
Овца шептала юбиляру-простачку.
Лев, отхлебнув вина большой ушат,
Вдруг неожиданно для всех слезу пустил:
«Как не заметил ум твой, виноват!
И в заместители тебя не пригласил».

С больною головой наутро Лев,
Всё проклиная, в кабинет к себе пришёл.
От удивления разинул он свой зев:
На его месте за столом сидел Осёл.
«Какого чёрта ты здесь развалился.
Вчера ж на пенсию отправили тебя?!
Проваливай, ты что, с луны свалился?
Иначе я не отвечаю за себя!»
«Вчера сказали все, что я теперь
В конторе этой самый умный зверь!
Ты что, забыл? – в ответ ему Осёл. –
Я на работу заместителем пришёл».

Простая в басне сей мораль:
Для юбиляра лестных слов не жаль,
Но нужно знать, кому их говорить.
При этом нужно водки меньше пить.

Осел-летун

Бродил в горах один осёл,
К орлам тихонько подошёл,
С утра те небо облетели
И на скалу, устав, присели,
Осел, завидуя орлам
Задумал полетать и сам.
И рассудил: «Что же тут такого,
Всё ж, если подойти толково,
Могу и я в небе летать,
Орлам заносчивым подстать.
Раскину шире свои ноги,
Хвост распушу, помогут Боги
Над грешною землей парить,
Да, что там долго говорить».
И с этим прыгнул со скалы.
Удар услышали орлы,
А также стоны и проклятья:
«Летать-ужасное занятие,
То, что положено орлам,
Не по плечу, видно, ослам».
Стонал израненный осёл.
Жаль, вывод поздно сей дошёл
До мозга глупого осла,
Безумные творит дела.

Козел-подхалим

Козел служил редактором газеты.
Был демократом и о том статьи писал,
Однажды награжденным был за это,
На радостях вина слегка поддал.
И выйдя в лес, зверями окруженный
Стал разносить он президента – льва:
«На все плевать, я критик прирожденный,
Я понимаю всё, как дважды – два.
Да, что мне лев, ему - ль со мной тягаться,
Понятны мне ошибки все его.
До этой бы скотины мне добраться,
Три шкуры я б тот час спустил с него.
А вот медведь – любимый губернатор,
Достоин большего он в помыслах моих.
На выборах его я буду агитатор
И при нужде отдам два голоса своих»
Так блеял он, и часто озирался,
Услышат, по округе разносят.
Он льва ругал, медведю льстить старался
Лев далеко, а Мишка рядом тут.

Вот так всегда, коль ты сидишь высоко,
Обляять каждый «Демократ» тебя готов.
И ниже в руководстве быть морока,
Наслушаешься лести от Козлов.

Справедливый волк

Зарезал волк овцу, забравшись в хлев,
От удовольствия облизывая зев,
Подумал: «Нужно как то уходить,
Как можно тише, чтоб собак не разбудить».

Тихонечко пробрался в огород
И вдоль забора двинулся в обход.
Вдруг видит на морковной полосе
Зайчишка маленький за грядкою присел,
Морковку выдернул, тихонечко грызет.

«Ах, негодяй ограбил огород –
Взревел тут волк на всю округу –
Мы помогать должны друг другу!
Собаки, где вы, что вы спите?!
Скорей сюда, вора ловите!»

Хозяин выскочил на зайчика с ружьём,
Собаки рвутся, чтоб сожрать его живьём,
А зайчик задрожал и на бок повалился,
От страха он морковкой подавился.

Хозяин волка стал благодарить
За то, что вора тот помог разоблачить.

А волк скорее к лесу побежал,
Пока мужик овец не посчитал.

Собачья жизнь

Однажды повстречались две собаки:
Хромая и бездомная дворняга -
Клочками шерсть, потрепанная в драке,
И, как всегда, голодная, бедняга,
И писанный красавец, весь в медалях,
Обученный домашнему порядку, -
Самовлюбленностью глаза его сияли -
Откормленный ротвейлер с шерстью гладкой.

...Ротвейлер вдруг вздохнул, сменил осанку,
Взгляд опустил и мордою поник:
«Тебе признаюсь, весь мой вид - обманка,
Жизнь нелегка, скажу я напрямик.
С утра буди домашних на зарядку,
Зубами тапки каждому - неси,
Команды исполняй все без оглядки,
И что не бросят, мчаться - гой еси!..
Хозяину обязан поклониться,
Друзьям хозяйским руку облизать,
На мне стремятся дети прокатиться,
При этом могут лапы оттоптать"...

Ну что ж, друзья, понятно без подсказки,
Довольно не проста, собачья жизнь,
Не хочешь на цепи сидеть - будь ласков,
Маши хвостом и руки всем лижи.

Обида

Петух, взлетевши на забор,
Стал кукарекать на весь двор:
«Друзья, нам сход собрать пора.
Я лично видел, как вчера
Петух с соседнего двора
В курятник залетел с утра.
Флирт с пестрой курицей завел,
Распутник, наглый как щегол.
Она же нет, чтоб дать отпор,
Махнула с ним в соседний двор
И там до ночи пробыла,
Ну просто дрянь наши дела».
Тут петуха гусак спросил:
«Чего же ты заголосил?
Я видел сам, как ты, нахал,
К пеструшке клинья подбивал,
Совсем недавно это было,
Видать тебя она отшила».

Скажу я вам как на духу:
«Обидно стало петуху».

О жадности

Однажды бай подумал: "Наконец
Пора мне осмотреть своих овец,
В долине скоро праздники начнутся,
Друзья мои на скачки соберутся.
Поеду-ка взгляну я на отары,
Не попадетсЯ ли баран больной иль старый".

Поехал бай и встретил старика,
Его овцу, а также ишака.
Старик прилѣг на камни, задремал,
И как ушла овечка, не видал.
Она ж на байские угоды забрела,
Так как подслеповатою была.
Обрадовался бай, повеселел,
Зарезать поскорей овцу велел.
«А где моя овца? – бедняк спросил, –
Мне кажется, что ты её стащил!»
«Как видно, старый, ты погряз в грехах,
Твою овцу забрал себе Аллах».

Гласит обычай: не отравлена ль еда? -
Хозяин первым кушает всегда.
Схватил зубами бай большой кусок,
Но краденое не бывает впрок,
Он проглотить шашлык поторопился...
Да плохо разжевал и подавился.

А баев больше всё... Я удивился:
Пока никто из них не подавился.
Хотя они погрязли все в грехах,
Не замечает этого Аллах.

Ворона и соловьи

Однажды соловьи, за тридевять земель,
На фестиваль путевку получили.
Ворона выдала им эту канитель.
Они в одной конторе с ней служили.
А там, вдали от рощи от своей,
Так спели, что всех песней покорили.
Награду получив, сообщили поскорей
На родину, что многих победили.
Но радости та весть не принесла.
От зависти в конторе загрузили
И бросив повседневные дела,
Всем скопом в рассуждения пустились:
- «Не может быть, не могут они спеть
Заморских соловьев перепевая.
Тем более призами овладеть,
Простые соловьи – нелепица, какая!»
Тут ворон мудрый строго им сказал:
- «Не заслужили птахи вашего укора.
Вы б радовались, что весь мир теперь узнал,
Что существует ваша роща и контора!»

Барсук и местный олигарх

Барсук проснулся на заре,
В глубокой земляной норе,
Решил по полю погулять,
На завтрак корма поискать.
За двери вышел, вдаль глядит
И видит - человек стоит.
Задумчив, на лице печаль,
Чего-то, видно, ему жаль.

«Эй, человек, что за неволя
Тебя пригнала в это поле,
Кто ты такой, скажи на милость,
Какое горе приключилось?»

Ответил человек, вздыхая:
«Беда случилась вот такая:
Давно хочу богаче стать,
Не знаю, что же мне продать?..»

Барсук настороженно внемлет:
«Ты, что ж, решил продать тут земли?»

«Живи спокойно, не тужи
Не будет здесь пшеницы, ржи,
В долгах крестьянство с головой,
Живет с протянутой рукой.
Насколько может видеть взгляд -
Деревни брошены стоят.
Поля Америки здесь шире,
Но мы находимся в Сибири...
Торгуй землёй хоть круглый год -
Никто и даром не возьмёт.

Вот если б я владел землёй
Под Питером или Москвой...»

Василек и пшеница

Средь пшеничных полей
Василёк голубой затерялся,
Восхищаясь персоной своей,
Он соседку корил – возмущался:
 «Заняла все поля,
 Задавила своей желтизною,
 Будет воля моя –
Синим цветом всю землю покрою.
 А пшеница в ответ
На ветру шелестит, колыхаясь:
 «Человек много лет
Почитает меня, восхищаясь»...
 Долго спорят они,
Кто важней и полезней в природе,
 Прошли летние дни,
Вот и осень уже на подходе
 Убедить не смогла
Василёк тот упрямый пшеница,
 Тут промозглая мгла,
Не замедлила в поле явиться.
 Колос спелым зерном,
Тяжелея под ветром, налился,
 Под осенним дождём
Василёк побурел и свалился.

Не спеши утверждать,
Что важней тебя нет и не будет,
Нужно лишь подождать,
Время мудрое всех нас рассудит.

Заноза

Медведь был избран в поселение главой,
Положенный срок отработал свой,
Собрался кабинет освободить,
Другому нужно место уступить,
К сему добавлю: честен был медведь,
Он из казны не трогал даже медь.
Но, уходя, стол лапой зацепил,
Большущую занозу засадил.
Увидел этот случай секретарь,
(Он в кабинете поправлял фонарь).
Заметив, что медведь унёс занозу,
Он для бюджета усмотрел угрозу,
К бухгалтеру пошёл и рассказал,
Как полстола медведь себе забрал.
Бухгалтер по инстанции сообщил,
Что кабинет свой Мишка разорил.
Недолго этот случай разбирали,
Убытки на медведя все списали.
Так невиновным оказался он в суде,
В недоуменье: «Справедливость где?»
Суд разобрался, Мишку оправдал,
Тех обвинил, кто поднял тот скандал.
Медведю от того не много легче,
Теперь он сердце по больницам лечит.

Скажу Вам: многим подлость та с руки,
Сколько сгубили злые языки.
«Секретари» нередко распускают слухи,
Стараются раздуть слона из мухи.

Кастинг

Собрались звери: «Что же делать будем?

От воеводы нет спасенья никому.

Давайте информацию добудем,

Суров и неприступен почему?»

Причина оказалась пустяковой:

В делах увяз наш Мишка с головой.

Помощник нужен был ему толковый,

Не только умный, но и деловой.

Заходит Волк: «Нет, нам он не подходит.

Уж очень жаден, мяса много ест.

К тому же травоядным не угоден,

Коль его выбрать – выдвинут протест».

Тут заяц забежал. «Труслив уж больно,

Да и умом не очень-то богат».

Прошедшие отбор ворчали недовольно:

Всем претендентам был Медведь не рад.

Ждут следующего – тишина в берлоге,

По алфавиту всех прошли от А до Я.

И тут беззвучно появилась на пороге

Довольно крупная очковая змея.

«Смотри - в очках, уж точно деловая,

Спокойная и шум не создает.»

Решил Медведь: помощница такая,

По всем параметрам, пожалуй, подойдет.

Змея тем временем стремительно, без шума,

На плечи воеводе забралась,

И прежде, чем он что-то мог подумать,

Кольцом вокруг шеи дважды обвилась.

Взревел Медведь, хотел освободиться,

Но увидал змеиный злобный взгляд.

Два зуба в этот миг успели обнажиться,

И в них кипел ее смертельный яд.

Медведь притих, Змея им управляет,

Она на шее, камень на душе.

И по приказу, часто так бывает,

Бросает все и ловит ей мышей.

Да и зверью совсем житья не стало,
Над ними раньше властвовал Медведь,
А тут еще Змея показывает жало,
Приходится двоих теперь терпеть.

А коль и ты стал выбора заложник,
Совет тебе хороший дать я рад:
Пусть лучше мяса больше ест помощник,
Чем всем в глаза разбрызгивает яд.

Дуб и березы

В березовую рощу как -то раз
Дубовый желудь закатился.
Со временем вдали от посторонних глаз
В красивый дуб он превратился.
Любуясь собственной красотой,
Собой самовлюбленно восхищался
Резной листвой и бархатной корой,
В укор березам часто похвалялся:
«Смотрите-ка, какая красота,
Такое видеть вам не приходилось.
Смешна мне ваша простота
И одеяния неприхотливость.
Вы не годитесь никуда,
Лишь древесина на дрова годится,
Моя ж в цене была всегда,
И этим я могу гордиться.
Возьмем хотя бы бочки под коньяк
Иль мебель дорогую для столовой,
Да и мореный дуб ведь не пустяк -
Для украшения залов стал основой».
Так рассуждал и ветками махал,
При этом желуди повсюду разлетались.
И постепенно лес дубовый все занял,
Берез не стало, лишь пеньки остались.
Но осень и на этот раз пришла,
А там уж и зима не за горами.
Все больше людям хочется тепла,
В лес потянулись лесорубы за дровами.
Пришли рубить березы, а их нет.
Поохали, затылки почесали -
Как заработать несколько монет? -
И топорами злобно застучали...

Без выбора

Король, играя в гольф, разгорячился
И приказал слуге подать воды.
Слуга, хозяин чтоб не простудился,
Принес чайку: «Подальше от беды!»
Вскричал король: «Как смеешь ты, негодный,
Ослушаться приказа моего,
Я приказал воды подать холодной,
Иного мне не нужно ничего!
Иди и исполняй без промедленья,
Иначе тебе голову снесут!»
Слуга с мольбою рухнул на колени
И с ледяной водой принес сосуд.
Король водой холодной наслаждался
И в гольф еще немного поиграл,
Дня через три в горячке он свалился,
И душу бог его к себе забрал.
А при дворе совет скорей собрали,
Виновного найти и осудить.
Виновным же слугу того признали
И приказали бедного казнить.

Вот таково устройство мироздания,
И хоть благих намерений не счесть,
Слуга всегда достоин наказания,
У короля же мнимый выбор есть.

Жалоба

Овечка жалобу на Волка подала:
«Властитель Лев! Нет с волчьей стаей сладу,
Овец отара стала так мала,
Всех перерезали бандиты без пощады».

Но Волк в деревне, где овца жила,
Был старостою Львом самим назначен.
Властитель не любил затягивать дела,
И этой жалобой Волк тут же озадачен:
«Послушай, разберись! – Лев строго наказал. –
Что за дела там у тебя творятся?
Чтоб жалоб от овец я больше не видал,
Мне не хватало ерундою заниматься!»

Волк за Овцой послал секретаря,
И вот, дрожа, она пришла в контору.
Волк заявил: «Ты жалуешься зря,
Меня благодарить тебе бы впору,
Чем меньше вас, богаче тем луга
И для пастьбы достаточно простору,
Напрасно ищешь ты во мне врага,
Не может между нами быть раздору».

Овца, понутив голову, ушла,
Уж ей не знать ли Волчью натуру.
Когда комиссия по жалобе пришла,
В овраге обнаружила она овечью шкуру.

Совет простой: не изводи бумагу зря,
Знай, жалоба твоя к виновному вернется,
А за тобой пришлют секретаря,
И всё как в этой басне обернется.

Лекари

Был ранен полководец пулей в руку,
Она же ядом вызывала боль и муку.

К нему явился старый академик
Задумчив, борода торчит, как веник,
Внимательно он посмотрел на рану:
«Лекарственные травы я достану,
Придётся их везти из-за границы,
Лечение это будет долго длиться».

Сказал хирург из медицинского полка:
«За то лечение не дам я пятака.
Больного оперировать я буду,
Все восстановим перебитые сосуды,
По ходу кровь очистим мы от яда
Жизнь полководца будет нам наградой».

Высокомерно фельдшер им заметил:
«О чем вы спорите, как маленькие дети?
Зачем нужны лекарственные травы,
Возня вся с удалением отравы,
Чтоб прекратить у полководца муку
Не лучше ли отнять по локоть руку?»

Услышав это, полководец стал кричать:
«А чем же мне оружие держать?
Болтать горазды вы, лечите поскорее,
А фельдшера метлой гоните в шею!»
Подобных фельдшеров сейчас, увы, хватает:
Они все больший вес приобретают.

Хромой верблюд

Шёл по пустыне караван верблюдов –
Товар перевозился нужный людям.
Верблюд маститый караван тот возглавлял
И никому поблажки не давал.
Не дай Господь с дороги кто собьётся,
Тотчас на зуботычину нарвётся.
Один Верблюд был хитрецом большим.
Вдруг захромал, прикинулся больным.
В конце концов он на песок свалился.
Глаза закрыл и мёртвым притворился.
От груза «мертвеца» освободили,
По остальным товар распределили.
Досталось каждому по доброму куску
И больше всех, конечно, вожаку.
Хитрец же подскочил и налегке
Пошёл за караваном вдалеке.

И у людей частенько так бывает,
Кто рвение в работе проявляет,
От общества не получает спуска.
Несёт свой крест и лодыря в нагрузку.

Прав ли Дарвин ?...

Жил – был гражданин с милым именем Вася,
Когда-то с трудом он окончил семь классов
И книг не читал, и газет сторонился,
Частенько в подпитии он находился.
Однажды сынишка ему рассказал:
Как будто бы Дарвин – учёный сказал,
Что род человека, ни много ни мало,
Мартышка когда-то давно представляла.
Покрылся Василий испариной сразу:
«Брехня это всё, ну ученый - зараза,
Не может быть в жизни такого изъяна,
Неужто похож я на ту обезьяну.
Пойду в зоопарк и в натуре сравню,
На сколько похож на свою я родню».
Вольер с обезьяной с трудом отыскал,
Раскосый свой взгляд на неё он поднял:
«Ну, здравствуй, прабабка», - ехидно сказал
И, рожу состроив, язык показал.
Мартышка на ветке спокойно сидела,
Про Дарвина знать ничего не хотела.
И лишь не могла разобраться никак,
Зачем строит рожи ей пьяный дурак.
А он возмущен равнодушьем её:
«Написано в книге конечно вранье,
Коль близкой родней обезьяна была,
Она б без сомненья меня поняла».
И что-б разорвать окончательно узы,
Швырнул в обезьяну он коркой арбузной.
Свирепо скосил на неё оба глаза
И в клетку сквозь прутья он плюнул два раза.
Спокойно сидит обезьяна на ветке,
От злости готов поломать Вася клетку,
Прицелившись, ловко метнул сигарету,
Спокойствие кончилось сразу на этом,
Мартышка вдруг палец к виску поднесла
И знак, всем известный, ему подала.
Подумала: «Дарвин-кто был он таков ?
Зачем к нам в родню записал дураков ?»

Друзья, коль владеете крепким умом,
Ни пейте вина, чтоб не стать дураком
В отличие от Васи, читайте все книжки
Тогда и не будет претензий к мартышке.

Баран на Болотной...

Один Баран поднял в овчарне крик:
«Послушайте меня, молчать я не привык,
Когда перед едой мы голос подавали,
Неправильно нам сено раздавали.
Поскольку громче всех могу кричать,
Я должен первым сено получать.
И возмущаюсь во дворе не только я,
Меня поддерживают козы и свинья.
Других не счесть, которые восстали,
Не правильно корма им тоже раздавали.
Я слышал, что осел, задумал что-то,
Сзывает всех на поле у болота,
С американским дружит хитрым Сэмом
Осла подкармливает Сэм зелёным сеном,
В хозяйстве думают они вот – вот,
На днях произойдет переворот.
Тогда любой из нас получит зелени
И прочего всего числом не мерено,
А хищным, у кого растут клыки,
Осёл и Сэм всем обещали шашлыки.»
Прослушав это все, овечье стадо
К болоту ринулось, сломав в хлеву ограду,
А там на поле собралось немало,
Вокруг навозной кучи, радикалов.
Весь день они блеяли и мычали,
Цветы топтали и кусты ломали,
Но наконец-то наступила ночь,
Покушать радикалы все не прочь.
Костры зажгли, запахло шашлыком,
Болото затянуло все дымком.
А утром, еще солнышко не встало.
Овечье стадо на совсем пропало...
Искали долго, дружно, неустанно
Нашли рога от нашего Барана.
Дядюшка Сэм болтать зря не привык.
Пустил Барана и овец всех на шашлык.

Не грех быть в оппозиции, друзья,
Где множество с болот родных зверья,
Не стоит с дядей Сэмом нам вязаться.
Иначе можно с головой расстаться.

А пес любил капитализм...

Один бродячий пес капитализм любил,
Да вот беда, в Союзе он родился.
Когда же кто социализм хвалил,
От бешенства слюною он давился.
«Да разве это жизнь», - клыками щелкал он.
«И кость не та, и корки все сухие,
Нарушены права, не действует закон,
Для нашего житья условия плохие».
Вдруг резко изменилось все кругом,
Породистым всем псам свободу объявили.
Заняться разрешили дележом.
Бродячих же на цепь всех посадили.
Породистые псы прибрали все к рукам,
Нажрались всласть, и впрок себе таскают,
Но даже корки не дают бродячим псам.
Те рады б взять, да цепи не пускают.
От жизни от такой наш пес ослеп, оглох,
Свалился с ног, и мысль мозги пронзила:
«Социализм - то был не так уж плох»
Подумал так и с голоду подох.

Царская дружба

Барс поскользнулся второпях,
Преследуя добычу в скалах,
Над пропастью завис он на ветвях
Деревьев чахлых, захудалых.
С трудом удерживаясь, ждал
Он гибели, а может и спасенья.
А Лев свои владенья обегал
И челюсти раскрыл от удивленья:
«Случилось что с тобой мой друг?
Зачем в кусты ты чахлые вцепился?»
«Я на козла охотился и вдруг
Оплошность допустил и провалился,
Скорее лапу в помощь протяни,
Ты видишь, что держусь я еле-еле,
Быстрее хватай за шиворот, тяни,
Нет времени болтать уже без цели.
Однажды, помнишь, я тебе помог,
Когда гиены на тебя напали,
Отбиться ты от них один не смог,
Они тебя изрядно покусали.»

«Конечно, друг мой, надо бы помочь,
Я помню, что в долгу перед тобою,
И вроде рассчитаться бы не прочь,
Но рассуди ты здоровой головою:
В пример тебя приводят все в лесу,
Красивый, сильный, необычно смелый,
Я ж гриву неказистую ношу,
Ленив, охочусь плохо, неумело,
Если б не львица, с голоду подох,
Она добычу в логово приносит.
Все говорят, что для царя я плох,
Тебя по всей округе превозносят.
Поэтому прости, но мой авторитет
Вдвойне дороже нашей с тобой дружбы.
Тебя не будет - беспокойства нет,
Угрозы нет для моей царской службы».

Лев потянулся, гривую тряхнул
И лапой барса в пропасть подтолкнул.

Читатель скажет: «Грубо, очень зло!»
Наверно в жизни мне не повезло,
Друзей таких я множество видал,
На шкуре собственной однажды испытал!

Коньяк и вино

В подвале при заводе винном
Коньяк в дубовых бочках созревал,
При дегустации благоуханьем дивным
Всех очаровывая, заполнял подвал.
С годами креп и набирался силы,
И от дубовой бочки наливался янтарем.
Глотнув его, любой: весёлый иль слезливый
В минуту чувствовал себя богатырем.
Однажды в тот подвал,
Возможно, не хватило тары,
А может, по причине и иной,
В железной бочке к коньякам тем старым,
Поставили незрелое вино.
На бочки с коньяком взирая,
Оно бурлило и шипело, как змея:
«В дубовую их тару разливают.
Чем хуже коньяков всех этих я?»
И так изо дня в день оно кипело
И яростно плескалось, как прибой.
В конце - концов и бочке надоело,
Взмолилась та: «Послушай - ка, постой,
Остепенись и созревай спокойно.
Ты не коньяк – столовое вино,
Поэтому веди себя достойно,
Тебе с ним не тягаться всё равно»
От этих слов вино сильней взбесилось,
Бурлило, чуть не выдавило дно,
Прокисло, да и в уксус превратилось,
И на помойку было вылито оно.

Вот так иному бы сидеть да созревать,
Рассчитывать на ум свой и уменье,
А не завидовать и мест чужих не занимать,
К чему не годен ты, не проявляй там рвенье.

Зодчие

Народ глашатаи на площадь созывают,
Сияет там великолепие дворцов:
«Сегодня повелитель награждает
Двух зодчих, замечательных творцов».
Палитрой радуги из множества цветов
Один из них дворцы те расписал,
Всех удивил и дедов и отцов,
Давно никто такого не видал.
Другой позолотил все купола,
И шпиль тех замечательных дворцов,
Им почести, народная хвала
И царское признание творцов.
И вот момент торжественный настал,
Дробь барабанов, музыки каскады,
Зовут тех мастеров на пьедестал,
Вручает повелитель им награды.
Над площадью повисла тишина,
Правитель речь произносить готов.
В толпе движения возникла вдруг волна
И рокот возмущённых голосов.
Выходит старец опираясь на клюку.
Подслеповато взглядываясь в даль,
Руку поднял: «Позвольте старику
Взглянуть на награждённых и медаль».
«Кто он такой – правитель закричал-
Гоните прочь убогого скорей,
Он речь произнести мне помешал,
Как видно разума лишился, дуралей».
Схватили стражники под руки старика,
Прочь увести, чтоб людям не мешал
И за одно намять ему бока,
Но громко из толпы кто-то сказал:
«Великий государь, твоей рукой
Награждены воятели- творцы,
Дворцы покрывшие сусальной красотой,
А этот старец строил те дворцы».

Не редко так бывает к сожаленью,
Украшит зодчий рук чужих творенье,
Гладишь ему награды и почёт,
А тот, кто сотворил уже не в счёт».

Две свиньи

В обширной луже посреди дороги
Огромная свинья лежит, раскинув ноги.
Разнежилась на солнце, отдыхает.
Её машины стороною объезжают.
А рядом в колее поменьше лужа,
И в ней лежит свинья гораздо хуже.
Не рылом хуже, а размерами короче,
Чтоб её тоже объезжали, она хочет.
Но прут машины на неё без остановки,
Приходится включать свою сноровку,
Всё время вскакивать и убегать с дороги
Свинья устала, заболели ноги.
Намаявшись, к большой она подходит,
Хитро прищурившись, такую речь заводит:
«Послушай, Хрюша, мы с тобой подруги,
Лежим здесь рядом, глядя друг на друга,
Давай на время обменяемся местами,
Я иногда чесать тебя за это стану».
Здоровая свинья на это согласилась
И в колее во всю дорогу развалилась.
А мелкая, заняв большую лужу,
Подумала: «Чем я здоровой хуже?
Теперь меня пускай машины объезжают.
Не зря же я её место занимаю».
А в луже её всю почти что скрыло,
Из грязи видно только её рыло.
И тут машина: глядь – среди дороги
Огромная свинья лежит, задравши ноги,
Затормозить шофёр не успевает,
И это чудище по луже объезжает.
Не разглядев в грязи свиное рыло,
Машина маленькую свинку задавила.

Произошло несчастье со свиньёю,
Друзья, родился вывод сам собою:
Дело не в том, какая свинья хуже,
Должна для каждой быть своих размеров лужа.

Ворона и заяц

На дерево ворона взобралась высоко.
Сидит спокойно, видит всё далеко,
Глядит, зайчишка мечется в кустах,
Бедняга, овладел им видно страх.
Ворона каркнула: «Иди сюда скорей,
Чего ты испугался, дуралей?»
Дрожа всем телом, заяц отвечает:
«Всего боюсь я, всё меня пугает.
Ворона, подскажи мне, что же делать?
Устал от тени своей я по лесу бегать».
«Послушай-ка совета мой дружок:
Ты видишь, я уселась на сучек
И с высоты большой на всех взирая,
Я не боюсь, а всех лишь презираю,
И ты садись спокойно на пенек,
Не бойся, отдохни хотя б денек».
Уселся заяц и спокойно отдыхает,
По сторонам косит, всех презирает.
Тут волк голодный мимо проходил,
Увидел зайца и с костями проглотил.
Ворона, видя это, завопила:
«Ах, дура старая, сказать я позабыла,
Чтоб презирать всех и при этом не бояться,
Выше других он должен был взобраться.»

Любвеобильная муха

Влюбилась муха в комара,
Напудрив мордочку с утра,
Скорей пустилась в те края,
Где множество водилось комарья.
Средь них её возлюбленный летал,
Фигурой стройной всех он привлекал,
Кроме того, отчаянно был смел
И этим муху покорить сумел.
И комару понравилась она,
Накрыла их большой любви волна.
Пожили вместе час иль полтора,
Вдруг выясняется: ни дома, ни двора
И даже ломаной копейки за душой,
Нет ничего, кроме любви очень большой.
Глазами муха постреляла,
Богатый муравейник увидала,
А рядом с ним трудился муравей.
Напудривши мордашку поскорей,
Муха пред ним во всей красе предстала:
«Ах, муравей, так долго я страдала,
Спешу скорей в любви тебе признаться,
Женой твоей хотелось бы назваться,
Шуршанье муравейника послушать.
Кроме того люблю я в сласть покушать».
И видно так должно было случиться,
Решил на мухе муравей жениться.
Живут богато, в муравейнике всё есть,
Еды полно и за год всё не съесть,
Другим такое и во сне не снится,
Да вот беда, здесь все должны трудиться,
А мухе это всё не по нутру.
Однажды рано поутру,
По морде пудру разбросала,
Пред пауком муха предстала.
Он сети плёл невдалеке,
Играя пряжею в клубке,
И часто муху приглашал,

Любить до гроба обещал.
И он всё помнил про любовь,
В экстазе высосал всю кровь.

Всё чаще чувства упрощая,
Как мухи, женщины летают
От молодого к старику
И попадают к пауку.

Коровы в танцах

Лес огласила неожиданная весть,
Коровам выпала большая честь,
Они на танцевальном фестивале
Хрустальный кубок – приз завоевали.
В недоуменье чешут хореографы затылки:
«Что, у жюри в башке одни опилки?
На фестивале лани выступали,
На «бис» их зрители три раза вызывали,
Оленей знаменитая кадриль,
И антилопы показали новый стиль.
Причем же здесь дворовые коровы,
По сцене шлялись словно на ногах оковы.»
«Все успокойтесь! – молвила сова.
Не даром у неё большая голова –
Я расскажу подробно в чем тут дело,
В жюри том председателем сидела
Корова старая, с того ж она подворья,
На льду когда-то танцевала многоборье,
Однажды ногу подвернула и упала,
С тех пор она слепую стала,
Поэтому на слух определяет,
Кто громче топнет, тот и побеждает!»

Лужа и ручей

Недалеко от речки в поле
Большая лужа подсыхала
И проклиная свою долю,
Она протухла и, конечно, завоняла.
Но тут вдруг, в речке поднялась вода,
Как видно где – то ливни прошумели.
Ручей стремительно направился туда,
Остатки лужи, где блестели,
И вот, наполнившись водой,
Все шире лужа разливалась.
Сюда уже и звери шли на водопой,
И рыбы, принесенные ручьем, плескались.
Ручей же русло новое торил,
Шумел, бурлил и будоражил камни.
И этим луже той не угодил
И раздраженье вызывал он даже:
«Ну, что ты расшумелся, негодяй!
Покоя не даешь ни днем, ни ночью,
Ну, пошумел немного и кончай!
Не нужен больше мне, уж это точно»
Услышав это, наш ручей оторопел:
«Любезная, водою я тебя наполнил,
Вторую жизнь вдохнуть в тебя успел,
Ты же осталась этим недовольна.
Коль прекращу шуметь,
Засохнешь ты опять,
Начнешь быстро мелеть
И будешь вновь вонять»
Но лужа доводов ручья не приняла:
«Уж больно много о себе воображаешь,
И без тебя бы выжить я смогла,
Себе высокую ты цену набиваешь»
Еще бы долго продолжался этот спор,
Но тут вода в реке бурлить устала,
Закончились дожди, понизился напор,
Вернулась в берега, на свое место встала.

Ручей наш обмелел и вскоре пересох,
И лужа быстро воду потеряла.
Когда же на реке затиш переполох,
Она засохла и совсем пропала.

Вот так и у людей случается порой,
Ведем мы спор, чья значимость превысит,
Но если поразмыслить здоровой головой,
От нас – то ничего и не зависит.

Пьяный заяц

Однажды заяц прохлаждался,
В деревню из лесу подался.
Залез в крестьянский огород,
Капустный лист сидит грызёт.
Вдруг в доме распахнулась дверь,
Мужик, обросший точно зверь.
В одних кальсонах, налегке,
Вышел с бутылкою в руке.
К бутылке жадно приложился,
С крыльца шагнул и повалился,
Лежит в грязи, свинья точь в точь,
Бутылка отлетела прочь.
Заяц сначала испугался,
Затем тихонечко пробрался
К бутылке, языком лизнул,
Противно, всё ж глоток глотнул.
Через мгновение по жилам
Вдруг потекла шальная сила,
Бутылку заяц прихватил
И в лес домой поколесил.
Идёт, грудь храбрость распирает,
И силу деть куда не знает.
Вот видит – белка на пути,
За хвост косой её схватил
И, раскрутив, в кусты закинул,
Встретил хорька и лапой двинул.
Хотел с разбега пнуть ежа,
Споткнулся, малость полежал.
Ему б одуматься теперь,
Но разыгрался в зайце зверь.
Лизнув ещё вина пять грамм,
Пошёл он в логово к волкам.
С тех пор никто его не видел,
Как видно, волка он обидел,
А тот обиды не стерпел,
Зубами щёлкнул, зайца съел.

Давно известно: пьянство — зло,
Не пьёте вы, вам повезло.
Таит спиртное вражью силу,
Не мало душ оно сгубило.

Песчаный дворец

Один мудрец дом возводил,
Усилий много приложил,
Работал несколько годов,
Но дом ещё был не готов.
Заметил молодой мудрец:
«Скажи, зачем же ты, отец,
Из камня строишь этот дом,
Измотан каторжным трудом?
Я тоже возвожу дворец,
Да пусть поможет мне творец,
Но стены строю из песка.
Тесал три камня ты пока,
Я полдворца соорудил,
При этом не затратил сил.
Песок беру в реке сырым
И чудеса творю я с ним.
Ярко блестит он на свету,
Взгляни на эту красоту».
Махнув мозолистой рукой,
Мудрец ответил пожилой:
«Совет твой мало чего стоит,
Глупец дворец песчаный строит,
Ты не потратил много сил,
Легко те стены возводил
И крепость их не велика-
Стоят лишь ветра нет пока.
Я же хочу построить дом,
Чтоб дети, внуки жили в нём.
Чтоб согревал он их века,
Авось и вспомнят старика».
Тут ветер с моря засвистал,
Дворец с песком с землёй сравнял.
Старик же, праведным трудом,
В конце - концов достроил дом.

Чтоб добрым словом вспоминали,
Дом из песка нужен едва ли,
Кто для людей тесал гранит,
О том народ память хранит.

Богатству ум не помешает

Навозный старый жук разбогател,
Продать большую партию сумел
Он шариков на удобрение в колхоз.
(весь год закручивал в те шарики навоз).

Имея кругленькую сумму,
С женою разводиться он надумал.
Жучиха старая ворчала то и дело,
В конце концов ужасно надоела.
Глаз положил на молодую стрекозу
И на коленях перед ней пустил слезу:
«Люблю давно и множество ночей
Тоскуя, не смыкаю я очей.

Коли пойдёшь, голубка, за меня,
Жалеть не будешь не единого ты дня.
Богатства все к твоим ногам я брошу,
Жизнь для тебя я сделаю хорошей».
И стрекоза богатством соблазнилась,
Женою старого жука быть согласилась.
Живут души один в другом не чают:
Жук день и ночь навоз в шары катает,
Чтоб стрекозе безоблачно жилось,
По шею погрузился он в навоз.

А стрекоза порхает по лугам,
Сегодня она здесь, а завтра там,
Ухожена, брильянтами блистает,
Её поклонники толпою окружают,
Друг другу оттоптали они пятки,
Она же их меняет, как перчатки.

И вот однажды получил навозник весть,
Супруга оказала ему честь:
«Удвоить нужно бы тебе, мой друг, старание,
Хочу предупредить тебя заранее
О том, что умножается семья,
Сказал мне доктор, что беременная я».
От радости счастливый жук вспотел,
Мелькнула мысль: «Когда же я успел?»
Он тут же выбросил её из головы,

Не осуждайте старого и вы.
И вскоре стрекоза уж родила,
На время жук оставил все дела.
К супруге поскорее поспешил,
К любимой дверь в палату он открыл.
И перед ним предстала стрекоза,
Сияли счастьем её серые глаза.
Держала она сына на коленях
Похожим был он на жука-оленя.

Разбогател и деньги некуда девать?
Не нужно старых жён своих бросать.
Уйдёте к молодой, останетесь без денег,
И вырастут рога, как у жука – олени.

Презентация

На удивленье всех зверей и птиц
Издав барс книгу в несколько страниц,
Многих сразила эта новость наповал:
«Зверюга хищный и стихи вдруг написал».
Потолковав, общественность решила,
Поэтом барса всё-таки признать,
И книгу ту, что всех так удивила
На сборище лесном презентовать.
На презентации звери стихи читали
И в его адрес много лестных слов сказали.
И даже львица, бросив все свои дела,
Его стихотворение прочла.
Заморский соловей - поэт сказал,
Что барса с сего дня зауважал.
Всё б было хорошо, да вот беда:
Заперлись обезьяны две сюда.
Гримасы строили и, как всегда, кривлялись
И возмущенно меж собой шептались:
«Подумаешь, поэт! Стихи не он писал!
Как видно, у кого-то их отнял,
А если даже он, не стоит их и слушать.
От ерунды такой повянут у всех уши!»
Сидевший рядом ёжик им сказал:
«Зачем вы поднимаете скандал,
Вы, что же, все стихи его читали?
Так шли б отсюда, слушать не мешали».
Мартышки без смущения в ответ:
«У нас той книги не было и нет,
Мы в жизни не одной не прочитали,
Сюда пришли, чтоб просто поскандалить.»

Не раз мы в жизни видели такое,
Чужой успех им не дает покоя,
В суть не вникая, часто так бывает,
Завистники всех грязью поливают.

Перемены

Стопились звери на поляне,
Но собрались не на гулянье,
Вопрос серьёзный обсудить,
Как дальше им в округе жить.
Медведь здесь раньше управлял,
Но, говорят, что – то украл,
Его за лапу прихватили
И в зоопарк определили.
По лесу разнеслась молва:
«К нам прислан новый голова !»
Вот почему столпились звери,
Ту новость обсудить хотели.
Лиса восторженно сказала:
«Я нового главу видала,
Приятен, словно ясный день,
Красавец писанный – олень !»
И все вдруг сразу загалдели,
Почтенье высказать хотели.
Кто-то сказал, что он умен
И соблюдать готов закон,
И года, в общем, не пройдет,
Во всем порядок наведет.
Барсук тут слова попросил,
Он раньше депутатом был:
«Друзья ! Вы радуетесь рано,
С ним будут править обезьяны,
Те, что медведю помогали,
Они изменятся едва ли!»

Ворона и журавль

Ворона не любила журавля,
И он ворону тоже презирал,
Болота облетая и поля,
Уединенье он себе искал.

От выстрела дрожала вся земля,
Охотники в округе появились,
Во всё живое целясь и паля.
Удачи с перепоя не добились.

И вскоре по лесам промчались вести,
Об этом мне лесничий рассказал:
Журавль с вороной были уже вместе,
Летели над землей, - он сам видал.

Несчастье часто тех объединяет,
Кто, в сущности, не может вместе быть.
В беду попав, несчастные страдают,
И ищут, с кем бы участь облегчить...

Сатира и юмор

Заболел, господа, заболел,
В чем признаться себе не хочу.
Вольно жил и себя не жалел.
А теперь вот здоровьем плачу.
Обуяла болезнь, как дурман,
Голова, словно медный котел,
Не хочу я свихнуться с ума,
Бросил всё и в больницу пошел.
Осмотрел меня опытный врач,
Головою слегка покачал.
Дал понять, что он тёртый калач,
И постельный режим прописал.
Согласился, в палате лежу.
Куда денешься с жизнью такой,
В потолок не моргая гляжу,
Там кружится тоска надо мной.
Стонет рядом на койке больной,
Исхудал, словно жердь иль доска,
«Полежишь, тоже будешь такой»,-
Злобно в ухо шепнула тоска.
Не поверил, прогнал её прочь,
Не такое я в жизни видал.
«Доктор опытный, должен помочь»,
Луч надежды в глазах просиял.

Собственники

В одной стране сменился президент,
Призвал к себе министров, приказал:
«В кратчайший срок готовьте документ,
В нем каждый житель твердо, что бы знал,
Что совладельцем он является казны,
Земных ресурсов и промышленности всей.
Что в нашем государстве все важны,
Мы обеспечим взрослых и детей»

Крестьяне разобрали сразу вилы,
Лопаты и «литовки» со складов,
С крестьян банкиры вытянули жилы,
Забрали трактора и всех коров.
Рабочим раздают из цеха гайки.
Иным достались шайбы и болты,
Сложили они всё в карман фуфайки,
И двинулись домой без суеты.
А тот, кому товару не хватило,
Свой ваучер на водку променял,
И собутыльнику начистил после рыло,
Со злости, что богатым он не стал.
Министры облегченно в раз вздохнули,
Доволен всем остался президент,
В стране большое дело провернули,
Велик тот исторический момент.

Читатель, комментарии излишни,
Всё это было не во сне, а на яву,
Известно вам из этого, что вышло,
Я с вами в этом времени живу.

Не угодил...

В одной столовой повара не стало,
На пенсию ушёл, а может заболел.
На его место был подобран малый,
Молва твердила – мастер своих дел.
На новом месте повар постарался,
Все блюда шли с добавкой нарасхват,
Довольным посетитель оставался,
Директор только этому не рад.
Зовёт он повара к себе для разговора:
«Давай, поговорим мы тет-а-тет,
Чтоб между нами не было раздора,
Зайди после работы в кабинет».
После работы повар в кабинете:
«Случилось что ? – директора спросил.
«Ты за свиней моих теперь в ответе,
Я их уже неделю не кормил».
Опешил повар, что за наважденье:
«Какие свиньи, я людей привык кормить,
Скажи директор, что за представление,
Здоровье подкачало может быть ?»
«Здоровье в норме, свиньи вот худые,
Отходами кормил их со столов,
Обеды раньше были не такие,
Никто не ел, отходов сто пудов».

Недавно посетил я общепит,
Весь зал опять отходами забит.

Цензура

Один поэт принес в печать стихи.
Его спросили: «Ты прошел цензуру?»
Поэт воскликнул: «За какие же грехи?»
Давно уж её нет, вы не валяйте дуру!»
Нахмурившись, редактор проворчал:
«Отстал от жизни, видно, ты, писака.
Позавчера я цензора нанял,
На этом деле «съел» он не одну собаку.
А то от критики спасенья уже нет,
Вечно, поэты, всем вы недовольны.
Подорван вами мой авторитет,
Меня за это хлещут очень больно»
Поэт воспарял душою, у него
Стихи все были о любви и о природе,
Не обличал он баснях никого,
Сатирой смуту не будил в народе.
Через неделю вновь поэт явился
И сразу к цензору подался в кабинет
«Скажите поскорее, - он взмолился, -
Прошли стихи мои цензуру или нет?»
Ответил цензор: «Как-то слабовато,
Нет выражений, чтобы пробрало,
Для связки слов народных маловато,
Чтоб шмякнуло и вновь приподняло.
От этих слов поэт лишился силы,
Молча, смотрел на цензора в упор,
Затем невольно к горлу подкатило:
«А где же вы служили до сих пор?»
«О, я когда – то был в авторитете.
И вольным мыслям ходу не давал.
Имею благодарности в анкете,
На стенках надписи в сортирах удалял»

Дело случая

Пошли два студента экзамен сдавать,
Ответ на билет должен каждый был знать,
Но разный у них был к учебе подход:
Отличник один, а другой идиот.
И так уж случилось, поверишь иль нет,
Слабак знал ответ на один лишь билет.
Отличник же, верно, так тоже бывает,
Из многих билетов один лишь не знает.
И случай печальный судьбу их решил,
Студент отстающий билет потащил
И радостно вскрикнул, он взял как раз тот,
Ответ на который учил, идиот.
Студенту ж отличнику не повезло,
Он тот потянул, что не знал, как назло.
Ленивый студент сам поверить не мог,
Поставил "отлично" ему педагог.
Впервые отличник ответил кой-как,
За что получил он в зачетку «трояк».
Ленивый домой побежал во всю прыть,
Сказать, что «пятерку» сумел получить.
Он радостно голову кверху задрал,
В глубокую яму ногами попал
И сильно о землю ударился лбом,
Плечо повредил и в ноге перелом.
Отличник же голову вниз опустил,
Печальный, тихонько домой семенил.
Вдруг сверток заметил, лежит под кустом,
Решил посмотреть, что находится в нем,
А в нем оказалась банкнотов гора,
Он рад. Ну а мне закругляться пора...

Случай на переезде

На переезде железнодорожном
Печальный был случай,
Забавный возможно.
На мотоцикле спортсмен подкатил,
Дежурный шлагбаум
В то время закрыл.
На лошади следом подъехал мужик,
И стал к мотоциклу
Почти что впритык.
С козой на веревке старик подошел,
С дороги к кювету
Козу он отвел.
Подъехал веселый чудака на машине,
Стал близко к телеге,
С улыбкой, разиня.
Стоят они, ждут с нетерпеньем, когда
Проследует поезд
Туда иль сюда.
Вдруг лошадь, стоящая рядом, впритык
Схватила спортсмена
За воротник.
Спортсмен отмахнулся, но лошадь опять
Вцепилась в одежду
И стала жевать.
Чудака из машины совет подает:
«Бей каской по морде
Её, идиот!»
Спортсмен изловчился и что было сил,
Он каской по морде
Коня угостил.
Конь резко отпрянул назад от удара,
Машине телегой
Разбил обе фары.
Чудака в тот же миг перестал улыбаться,
С владельцем коня
Зачесалось подрачься.
Разнять драчунов старый дед поспешил,

Козу за шлагбаум
Узлом зацепил.
В то время состав по путям пробежал,
Дежурный шлагбаум
С козой поднял.
Ногами по воздуху хлещет коза,
От страха сверкают
Как фары глаза.
Мой друг, чтоб в историю ты не попал,
В дорожной езде
Соблюдай интервал.

Про жизнь

Два старичка навстречу шли друг другу.
Один из них улыбкою сиял,
Другой был хмур и двигался с натугой.
Как видно, в переделку он попал.
Раскланявшись, они разговорились:
«Чего сияешь?» - хмурый так спросил.
«Да вот, ходил за пенсией на почту.
На пять процентов больше получил.
Правительство про нас не забывает,
Хоть медленно, но пенсия растет.
Да вот беда, ее инфляция съедает,
Но с ней борьба ведется круглый год.
А ты-то, брат, чего такой угрюмый?»-
Настала очередь веселому спросить.
«А я ходил сегодня в жилконтору,
Хотел квартирный долг свой погасить.
Не удалось, опять тарифы взвились,
На двадцать пять процентов поднялись.
Стал возмущаться, все там удивились:
«Ты что, не в курсе, мы же в отпуск собрались.
У нас, когда - то был свой санаторий,
И профсоюз путевки раздавал,
А ныне близ Канар в нашей конторе
Уж много лет никто не отдыхал".
Поговорили, стали расходиться,
Теперь уж оба двигались с трудом.
Натруженные руки и в морщинах лица,
И каждый горько думал о своем.

Старинная мудрость

Луч солнца дитя поутру разбудил,
С кровати малыш в один миг соскочил,
Холодной водою лицо окропил,
Съел завтрак и тут же во двор поспешил.
Собаку погладил, с котом поиграл,
С ребятами мяч во дворе погонял,
В саду побывал, неумный пострел,
За час наш малыш все на свете успел.

И дедушку тоже луч солнца поднял,
Глаза он открыл, в бороде почесал,
Скрипя потянулся, в постели присел,
Но быстро подняться старик не сумел.
Он долго кряхтел, опираясь на трость,
И встать наконец-то ему удалось.
Сопя и стеная, умылся кой-как,
До кухни добраться и то не пустяк,
Дрожащей рукою он ложку ловил,
Беззубыми деснами пищу давил.
Хотел погулять - заболела спина,
На койку отправился наш старина.
На всё это времени много ушло,
В окно посмотрел - уже солнце зашло.

Да, час у ребенка, как весть ни горька,
Намного длиннее, чем день старика.

Выборы

Вопросов тьма – кружится голова.
У каждого своё на сердце наболело,
Один кричит: «Закончились дрова!»
Другому без воды жить надоело.

А третьему машину подавай
И чтоб бензин дешевле самогона,
И в магазинах чтобы - через край,
И льготные билеты всем в вагонах.

Везде и всем наш кандидат наобещал.
И выборы прошли с большим успехом.
Когда же отчитаться час настал,
Глядь – нет его нигде, в Москву уехал.

Новый бригадир

...Запряг кобылу в дроги и по полю
Поехал он работу посмотреть.
Колхозницы турнепс, согнувшись, полют,
День жаркий, им придется попотеть.
Тут новый бригадир решил построже
Себя с минуты первой преподать,
Насупил для порядка свою рожу
И крикнул на коня: «А ну стоять!»
Колхозницы, немедля, разогнулись,
Подумали, команда им дана,
Тревожно меж собой переглянулись,
Перепугал бабенок, сатана.
В конце концов, домыслил предложение:
«Смотрите тут на поле у меня!»
На этом пресеклось воображенье,
Взмахнул кнутом и дальше гнать коня.
А следом по тому же направленью
На «Газе» председатель колесил,
Стоящих баб заметил с удивленьем,
В недоумении подъехал и спросил:
«Чего стоим, ведь летний день год кормит,
Так говорили деды в старину,
Не выполните по прополке норму,
Поставлю срыв работы вам в вину».
«Товарищ председатель – все взмолились –
Нам бригадир команду эту дал,
Он крикнул, чтобы мы остановились
И вдаль смотрели, так он приказал».
Проблему ту колхозники решили –
Не стали долго голову ломать,
И бригадира, так постановили –
Помесячно, по жребию менять.

Что за народец!..

В колхоз специалист на днях приехал,
Он только что окончил институт.
В делах сельчан прореха за прорехой,
Специалистов не хватает тут.
Обрадовались все - ветеринарный
С отличием окончил факультет.
Зав.фермы, случаю такому благодарный,
Собрал доярок и телятниц на совет:
«Ну что ж, бабенки, можем жить в покое,
Скотину нашу есть кому лечить.
Повысятся у нас теперь удои,
Привесы сможем больше получить.
Но вот далековаты отделенья,
Все обойти врачу не хватит дня,
Давайте обратимся мы в правленье,
Пусть председатель выделит коня».
Народец на селе довольно ушлый,
И новичков не против обсмеять.
Смотреть собрались люди на конюшне,
Как доктор будет лошадь запрягать.

Был парень не из робкого десятка,
И подыграл, хоть знал он что к чему.
Узду на круп пристроил он лошадке,
Шлею на морду - вот, все по уму.
В оглобли, мордою к телеге, животину
Завел, поглядывая хитро на народ.
Кричат ему: «Ты что сдурел, детина,
Собрался ехать задом наперед?»
А он смеется "Эх, народец местный!
Шли б лучше обрабатывать поля,
Чего пристали, вам же неизвестно,
В какую сторону сейчас поеду я!»

Истина

Повстречались философа два:
«Разболелась моя голова, -
Молвил первый, - и ночью и днем.
Думы гложат; а истина в чём?
Слышал, будто бы в споре она,
Но и в споре она не видна».
"Пусть твоя голова не болит, -
Тут философ второй говорит, –
Ты прислушайся лучше ко мне,
Отыскать её можно в вине».
Взор у первого вдруг просиял,
Он подумал и робко сказал:
«В чём же дело, давай, старина,
Вместе доброго купим вина.
И на практике мы разберём,
Где она, эта истина, в чём".
Согласился на это второй,
Улыбнулся, тряхнул головой.
Пропустили по чарке вина,
Вроде истина стала видна.
И заспорили: ближе кто к ней,
Из философов кто же мудрей?
Им казалось, что каждый вот-вот
Эту истину первым найдёт.
Разгорелся по-новому спор,
Хоть друг друга не видят в упор.
Еле слышно лепечут уста:
«Видно, истина та не проста».

Скрипач и вельможа

Скрипач играл на скрипке виртуозно,
Народ в ответ ему рукоплескал.
Без слез такое слушать невозможно,
От восхищения концертный зал стонал.
Растроганный душевностью приема.
Раскланивался низко музыкант.
В порыве вдохновенного подъема,
Выплескивал в народ он свой талант.
От сцены сбоку, в театральной ложе,
Позевывая, словно бегемот,
Сидел его величество вельможа.
Кривил гримасой недовольно рот.
Когда ж совсем затихли звуки скрипки,
Вельможа скрипача к себе позвал,
И не гася презрительной улыбки,
Наморщив лоб, язвительно сказал:
- «Я вижу, ты богатых уважаешь,
Персону мою сразу же признал,
Поклоны мне земные отбиваешь,
Почтенья знаки в ложу подавал».
На это музыкант ему ответил:
- «Ошибка вышла, я не ожидал,
Слаб зрением и сразу не заметил,
Ту ложу раньше гений занимал.
Его умом всегда я восхищался,
И знаки уважения дарил.
Сегодня же, как видно обознался,
Кто-то талант деньгами подменил»

Юбилейная сказка

В краю одном глухом, таёжном,
Где точно? Знать нам невозможно,
Случился юбилейный год,
Вместе зверье сто лет живет.
Бывало так: друг друга ели,
Всё потому, что есть хотели,
Но возникала и любовь,
Чтоб народить детишек вновь.
За сотню лет всё повидали.
От пуза ели, голодали,
Довольны ль нет судьбой своей,
Дожили ! Вот он юбилей.
Чтоб представленья вам иметь-
Хозяином там был медведь
И для охвата местных дел,
Трёх заместителей имел.
Волк отвечал за все овчарни,
Баран же управлял на псарне.
И потому его бока
Были покусаны слегка.
Лисица птиц всех опекала,
Имела дел ещё не мало,
Я думаю, вам ясно стало,
Как всё в краю том процветало.
Вот они вместе собрались
И подготовкой занялись:
Решали, как им поскорее
Всё приукрасить к юбилею,
Кто заниматься будет пением?
Кого отдать им на съеденье?
Кто будет речь произносить?
И как награды поделить?

Этот вопрос поставлен остро,
Награды поделить не просто.
Баран сказал: «Давайте Барсу
Мы грамоту дадим для фарсу,

Его хвалили за работу
И часто о других заботу
Он проявлял в нашем краю»
«Ему награду не даю! –
Сказал Медведь в ответ барану –
В докладе вспоминать не стану.
Хоть он трудился и неплохо,
Но басни стал писать с подвохом,
Свихнулся на беду мою,
Себя в них часто узнаю»
Тут дали высказаться Волку:
«Хватить сидеть тебе без толку
Скажи, кому нам дать медали,
Их две на всю округу дали».
Ответил Волк: «Верблюд достоин,
Послушан и всегда спокоен
Трудился раньше на полях
И потому при двух горбах.
Когда он мимо нас идёт,
Поклоны до земли кладёт».
Медведь согласно закивал
За ухом лапой почесал:
«Нужен герой в нашем краю,
Верблюду обе отдаю».
И вдруг Лиса подняла морду:
«Нам, вроде, дали ещё орден,
Кому его мы отдадим?
Как жаль, что он всего один».

Медведь ей улыбнулся косо
И ласково словечко бросил:
«Мое решение знайте все,
Мы отдадим его лисе».
Как мог я про нею забыть,
Она нам помогает жить.
Когда мы власти выбираем,
Кого избрать ей намекаем.
Она у нас законодатель,
Наш неизменный председатель

И постоянно так бывает
Кого хотим, тех избирают.
И между нами говоря,
Тот орден ей дадим не зря:
Мы новых выборов в преддверье,
Нас избирать вновь будут звери,
Тогда и будет она рада
Служить за данную награду».
Переглянулись меж собой,
Махнув довольно головой.
Но вдруг опять Баран замекал:
«Я тут немного покумекал,
Других зверей спросить бы надо».
«Зачем нам слушать это стадо, -
Медведь затопал словно слон, -
Слово моё для всех закон!»

Ну что же, друзья, вот так всё стало,
Кто сделал в том краю не мало,
Скорей всего был обделён,
Как видно, басни пишет он.

Престарелым женихам...

Богатенькие старички,
Морщинистые, как сморчки.
Набрали в жены молодых,
Забросив бабушек своих.
Но не мешало б старички,
Вам протереть свои очки
И обернуться хоть разок,
Из вас уж сыплется песок.
А по нему, как соловухи,
Шагают ваши молодухи,
На приживалок все похожи,
Исподтишка вам строят рожи.

Все в меру

Всего живому в меру нужно:

И хмурых туч с дождём прохладным,

И небо чистое все дружно

С лучами солнца встретить рады.

Не осуждай того, кто хмурый.

Возможно, он душою светел.

Иной с улыбочивой фактурой

Тираном может быть при этом.

Про науку

Однажды два ученых мужа,
Весною топая по лужам,
Подслеповато щуря взор,
Столкнулись у крыльца в упор,
Крыльцо то было не простое:
Научные храня устои,
Оно не много и не мало
НИИ «Рой мух» принадлежало,
Ну раз сошлись мужи в упор,
Возник серьезный разговор.
Один спросил: «Ну как наука?»
«Да вот не ведаю я скуку –
- другой ответил муж ученый,
Сияя взором воспаленным.-
- Я расскажу тебе о том,
Что вывел длительным трудом,
Пятно у мухи на глазу.
От радости пустив слезу,
Научный написал я труд,
Его нигде не издают,
Но это мне не помешало,
Поклонников немало стало.
Вновь опыты другие ставлю,
Свой институт навек прославлю.
Я возродить уже готов
Пятно на теле у клопов»
«Постой, - сказал другой учёный,
- глаза тараща удивлённо –
А в чем же суть твоей работы,
Не вижу пользы в нем я что-то»
И видно было по лицу,
Он шел не к этому крыльцу.
Первый нисколько не смутился,
Поближе только наклонился
И тихо на ухо сказал:
«Зато я знаменитым стал.

И без особых тяжких мук
Я в званье доктора наук.
Финансовых забот не знаю,
Довольно много получаю,
Решил учёный так совет,
До пользы же мне дела нет»
На этом, хлюпая по лужам,
Расстались два учёных мужа.

Порою чудеса в науке
Учёные творят от скуки.
Да только от работы той,
Не видно пользы никакой.

СТИХИ

Я так спешил от жизни не отстать,
Бежал, подставив грудь большому ветру,
Но начал незаметно уставать,
И всё трудней даются километры.
Присесть бы мне и малость отдохнуть,
В раздумье, словно в дрему погружаясь,
Но дорог был до боли этот путь,
Встряхнусь, шагаю снова ускоряясь.
Идти стараюсь, не жалея сил.
И снова с ветром я готов тягаться,
А вдруг бы он меня остановил...
Заставил на беспутьях потеряться.

Футбольный мяч

Я устал, меня пинают,
По полю стремглав гоняют,
Головой, ногами бьют,
Передышки не дают.
Двадцать молодых парней
Мчатся в поле, кто быстрее,
Норовят меня догнать,
Друг у друга отобрать.
Если кто-то изловчится,
К воротам со мною мчится,
Перед ним качусь по полю,
Он меня ногами гонит.
Вот ворота, что есть сил
Бутсу в бок он мне вонзил,
Свист стоит, лечу вперед,
Тут вратарь меня берет.
Чаще же иной игрок
В штангу бьет иль вовсе в бок
На трибунах что есть силы
Все кричат ему: «Мазила!»
Иногда лечу я в сетку,
Знать, игрок попался меткий,
Стадион тогда ревет,
С ног на голову встает.
Хвалят игроков, ругают,
Про меня не вспоминают,
Я ж мечтаю хоть чуть-чуть
В перерыве отдохнуть.

Пчелка

Луч солнца пчелку разбудил,
На пчельник заглянул,
Сияньем улей озарил,
Затем в леток шагнул.
Навстречу солнышку пчела
С жужжаньем поднялась,
Она давно его ждала,
Чтоб поработать всласть.
Через поля, через леса
Летит скорей на луг,
Там чудотворная краса
Представиласьвокруг.
Цветов прекраснейших ковер,
Возник вдруг перед ней.
Любимый для пчелы простор,
Нет ничего ценней.
Здесь наберет она нектар
И в улей унесет,
А в сотах этот божий дар
Вмиг превратится в мёд.

Пчелиный рой

Тесно пчелкам в улье
Летним жарким днем,
Крыльями взмахнули
«Мы сейчас уйдем,
Улетим скорее
В голубую даль
Пока солнце греет,
Улья нам не жаль.
Пусть в нем проживает
Новая семья,
Мы же улетаем
В дальние края»
Вырвался на волю,
Закружился рой,
Гул над головою
Страшною волной.
Перед тем, как пчелам
Взвиться, упорхнуть,
Роем к частоколу
Сели отдохнуть.
Пасечник умелый
Тихо подошел,
Пчел в роевню смело
Щеткою замел.
Посадил их в улей
Под большим кустом,
Радостно вздохнули:
«Здравствуй новый дом!»
И лететь не нужно
В дальние края,
Разместилась дружно
Крепкая семья.

Осень

Осень по дорожкам листья разбросала,
Солнце вроде светит, а тепла не стало.
По утрам туманным птички жмутся зябко,
Изморозь на грядках разгребают лапкой,
Чем бы поживиться ищут неустанно,
Улетать им скоро в голубые страны.
Надо же набраться силы на дорогу,
А иначе птахи долететь не смогут.
Ручеек в овраге ночью льдом покрылся,
Ёрш колючий в тине тихо притаился,
Удивленно смотрит, как же так случилось,
Над водою ночью льдинка появилось.
Не удастся больше, мошкой поживится,
В поисках добычи нужно в тине рыться.
Я шагаю в школу, прячу нос от ветра,
С грустью вспоминаю золотое лето.
Бородатый дворник листья собирает
И ворчит на ветер, он ему мешает.

Светофор

Детям на заметку несколько советов,
Помните об этом и зимой, и летом:
Чтобы безопасно перейти дорогу,
Светофор трехглазый сделан вам в подмогу.
Если свет зеленый – можно идти смело,
Лучше по разметке, сделанный умело,
Поперек дороги полосы мелькают,
Их простые люди «зеброй» называют.
Если же свет желтый следом загорелся,
Он предупреждает: нужно оглядеться
И без промедленья уходить с дороги,
Побегут машины – уносите ноги.
Красный свет зажегся – стой на тротуаре,
Пусть машины мчатся в газовом угаре.
Если вы боитесь перейти дорогу,
Попросите взрослых, они вам помогут.

О погоде

МЧС сообщило срочно:
«Ночью будет ливень точно
И возможен ветер сильный»
Передали на мобильный.
Небо не дождалось ночи
Разразилось, что есть мочи.
Оно градом и дождем,
Молнию сменяет гром.
По селу несутся реки,
По колено человеку.
Всё, сметая на пути,
Не проехать, не пройти.
Да и в городе не лучше
Затянуло черной тучей,
Льёт потоком проливным
По кварталам городским.
Понимаем: у природы
Нет для нас плохой погоды,
Всё же радостней бы стало
Если б солнце засияло.

Старая мельница

В уснувшей заводи, под кронами листвы,
Старушка мельница тихонько притаилась,
Не нарушая больше водной синевы,
Застыло колесо, зеленым мхом покрылось.

Заброшенный всем миром уголок,
Давно уж человек не посещает,
Лишь времени стремительный поток
С щемящей грустью мимо пролетает.

Таинственно – загадочное место,
Существ волшебных тихая обитель.
Теперь оно лишь лешему известно,
В таких местах он частый посетитель.

Гильотина

На площади в Париже гильотина,
Палач красуется, вокруг зевак лавина.
Конвойные преступников ведут,
Здесь принародно состоится суд.
Вот прокурора пламенная речь:
«На лобном месте голову отсечь!»
Ревет от удовольствия толпа,
Палач рукой поправил свой колпак.
А вот и новый судный приговор.
Удобно. Гильотина - не топор.
И снова под ножами голова,
Владельцу двадцать стукнуло едва.
Сочувственно затихли люди вдруг,
Ни звука – тишина стоит вокруг.
И в этой тишине раздался плач,
От неожиданности вздрогнул сам палач,
Все взоры устремились на тот звук,
Палач неловко прячет свой испуг,
В слезах предстал их взору дворянин,
Все ликовали, плакал он один.
Потупил голову и медленно ушёл...
Он эту гильотину изобрёл.

Руки матери

Я помню руки матери моей.
Так часто в детстве я их целовал.
И вечером в мерцании свечей,
Уткнувшись в них, спокойно засыпал.

Я чувствовал, как бережно, с любовью,
Мать нежно гладит голову мою.
И низко наклонившись надо мною,
Поет тихонько: «баюшки – баю».

А иногда, когда тоска догонит,
Она к груди своей меня прижмет
И незаметно краешком ладони
Слезу с ресниц густых своих стряхнет.

Я чувствовал, рука ее слабеет,
А почему – не мог никак понять.
Но в этот миг до боли мне хотелось,
Чтоб не грустила больше моя мать.

И чтобы горе промелькнуло тенью,
И слабости рукам тем не знаять.
Я перед нею встану на колени
И буду эти руки целовать.

Хлеб

По четвергам я просыпался рано,
Хлеб матушка в тот день всегда пекла,
Круглые булки с корочкой румяной
На лавке красовались у стола.
Та выпечка на славу получилась,
Взор в угол устремив на образа,
Мать трижды от души перекрестилась,
Сияли счастьем её добрые глаза.
А хлебный дух мне не давал покоя,
Заметив, что давно уже не сплю,
Легонько поманила мать рукою:
«Иди, сыночек, молочка тебе налью».
Какая радость хлебную горбушку,
Ещё горячую, с холодным молоком,
Мать щедро подала полную кружку,
И хлебушек с прилипшим угольком.
А печь, что чудо это сотворила,
Дом наполняла ласковым теплом...
О боже, как давно всё это было,
Вернуться б на минуту в этот дом!

Умирают в России сёла,
Растерялся сельский народ,
Разбрелись гармонисты веселые,
Что-то песен никто не поёт...

Сторона ты моя, сторонка,
Запустенье царит кругом,
Как горбатая старушонка,
Покосился мой отчий дом.
Не дымится труба над крышей,
Печь, не топленная давно,
Ставню ветер шальной колышет,
Прикрывая слепое окно.
Двор широкий зарос бурьяном,
Горбылём заколочена дверь,
Разметался забор, как пьяный,
Ощетинился, словно зверь.
Постоял, посмотрел уныло.
Застилает туманом глаза,
Болью сердце вдруг защемило,
Навернулась скупая слеза.

Я помню... к 180 - летию, деревни Ольговка, Яйского района

Нет, не забыл я родины своей,
Я не из тех, кто быстро забывает,
Как на земле весной журчит ручей
И как берёзы листья распускают.

Село родное – Ольговка моя,
Я помню, как была ты многолюдной.
Как колосились хлебные поля,
И как жила крестьянской жизнью трудной.

Как по весне гудели трактора,
Тревожа детский сон мой на рассвете.
И как пастух коров гнал со двора,
С ребячьим озорством пощелкивая плетью.

Отец и братья, пахари земли,
На поле уезжали спозаранку
С ней жизнь прожили, в ней лежат они,
Их за околицей покоятся останки.

Они мечтали, как деревня зацветет.
Их на земле трудиться будут дети,
Не думали, что час такой придёт
И зарастут бурьяном земли эти.

Я же селу желаю долгих лет,
Чтоб множество сменилось поколений,
Храни тебя Господь от разных бед,
Я так хочу, чтоб встала ты с коленей.

Чтоб поднялась во весь свой прежней рост,
Уверенной была б в своем ты долголетье,
Под рокот тракторов пел песню свою дрозд
И по утрам пастух пощёлкивал бы плетью.

Какая благодатная пора.
Покрылись рощи ярким многоцветьем,
Пылают листья пламенем костра.
И птичий гвалт тревожит на рассвете.

Туманная роса покрыла все с утра
В реке вода свинцово – темной стала.
Грачам на юг лететь уже пора.
Шумят они, сбиваясь дружно в стаи.

Клин журавлей поднялся в облака,
Прощальный зов над полем прокатился.
А в сердце родилась тревожная тоска,
Как будто с ним на веки я простился.

Готовится природа на покой,
До холодов мгновение одно,
Чтоб вновь весною вспыхнуть красотой,
Жаль человеку это не дано...

Зима

Вот, наконец то, выдохлась зима.
Устала, много силы положила.
Метелей непроглядных кутерьма
По крыши снегом избы завалила.

Морозами пыталась извести,
Трещали бревна, провода гудели.
Смогли мы еле ноги унести,
У печек по домам своим засели.

Казалось, будто не было длинней
Зимы такой в былые годы.
Она же бушевала все сильнее,
Сердилась и пугала непогодой.

И вдруг она споткнулась на бегу,
Неловко будто ногу подвернула,
Осыпалась проталиной в снегу,
Сосулькою на солнце подмигнула,

И, наконец, махнув рукой, сдалась.
Сначала ручейками заструилась,
Затем вдруг половодьем понеслась,
За горизонтом незаметно скрылась.

В Крымских горах

Здесь не приемлема людская суета,
Зовет просторов горных бесконечность,
Их возвышающая душу чистота,
Окаменевшая, незыблемая вечность.

Полупустынный каменный массив,
Нависший над воронкою провала,
Одновременно грозен и красив,
Его величие нас всех околдовало.

Мерцание холодное теней
Вдаль устремилось в облачность тумана,
Словно вдогонку уходящих дней,
Летит в долину к берегам лимана.

Мир вечно молчаливых древних гор
Торжественно - спокойных, величавых.
Лишь водопад ведет свой разговор
Сверкая пеной бурунов кудрявых.

Костер

Потрескивая, нехотя, с дымком
Костер, в ночи зажженный, разгорался,
Дрова облизывая робко огоньком.
Он в незнакомый мир войти боялся.
Но вот как будто разом осмелев,
Вдруг загудел, соприкоснувшись с ветром,
Раскрыло пламя яростно свой зев,
Тьму ночи поглощая метр за метром.
Костер пылает – нежное тепло,
По телу путника елеем разливая.
Всё не приятное и грустное ушло,
Лишь радужные мысли согревают.
Огонь же ослабел, сожрав охапку дров,
Уснувший путник это не заметил,
Мерцание углей накрыл ночной покров.
И от костра к утру остался только пепел.
И жизнь моя подобная костру,
Сгорает быстро, мимо пролетая,
Как маленькая искра на ветру,
И пепла нет, и дым давно растаял.
Такая участь каждому дана.
Мне изначально предназначено сгореть.
Но не дает покоя мысль одна:
Сгорая, смог ли я кого –нибудь согреть?

Чарли Чаплин

Я помню клуб в деревне, деревянный
И на стене полотнище экрана,
Зашторенные окна тряпкой синей,
Всё замирало – в зале свет гасили.

А сердце колотилось учащенно,
Смотрели на экран все восхищенно,
На нем герои жили, умирали,
А мы за них до слез переживали.

Однажды привезли кино немое,
Не наше, заграничное – чужое,
И в душу перешел ко мне с экрана,
Нелепый человечек в шляпе странной.

Штаны не по размеру, фрак короткий,
Печальный взгляд с улыбочкою кроткой,
Все беды раздвигал он своей тростью,
С ним справиться врагам было не просто.

Хохочет зал, от умиленья млеет,
Сквозь смех, я плачу и его жалею,
Предстал он простаком на киноплёнке,
А для меня же был большим ребенком.

Хотелось оказаться на экране,
Быть рядом с человеком этим странным,
Рукою прикоснуться и обнять,
А может просто шляпу подержать.

Промчалось время быстро, как во сне,
Но часто Чарли Чаплин снится мне.

Мне кажется, что был я на войне,
А может это просто снится мне,
Невыносимо тяжёк был тот бой
И мой отец плечом к плечу со мной.
В атаку на врага вперед бегу,
Но выстрелить никак я не могу,
Отец шептал: « Не подведи, сынок»
Я что есть силы нажимаю на курок,
Всё бесполезно, замерший затвор,
Отцу и мне готовит приговор.
Фашист на встречу, штык наперевес,
Оскалил зубы, словно злобный бес,
Один лишь шаг, наступит мой конец,
Но тут собой меня закрыл отец.
Я закричал, но в горле звук застыл,
Очнулся и глаза свои открыл,
Тревожно в доме стены осмотрел,
Отца живым увидеть я хотел.
На стенке фотография бойца,
Но нет в живых давно уже отца.

Поединок

(баллада о сибиряках гвардейцах)

По снегу, по полю белому
Танки черные, грязные
Мчатся, как очумелые,
Гусеницами бряцают.
Словно паук, свастика
В башню танка вгрызается,
Под злобным бешеным натиском
Стонет земля, содрогается.
Топчут ее захватчики,
Сеют повсюду горе,
Пламенем Русь охвачена,
Сжалась она от боли.
В поле пушки замерли,
Торчат из укрытий стволы,
Позицию русские заняли,
Сибирские наши орлы.
Всё, отступить некуда,
Там, за спиною, Москва,
Рвётся к ней черным беркутом
«Мертвая голова».

По снегу, по полю белому
Фашистские танки идут,
Шквальным огнём артиллерия
Им преградила путь.
Жирная, черная, к небу
Гарь поднялась столбами,
Первые танки с разбегу
Уткнулись в землю стволами.
Поле вздыбилось снежное,
С грязью и кровью смешалось,
Кажется, в прах всё повержено
В живых никого не осталось.
Но хлещет огнём ответным,
Как видно, ещё жива,
Танковая дивизия
«Мертвая голова».

Дымятся стволы раскалённые,
Ярости их не унять,
Сибирские дивизионы
Насмерть будут стоять.
Командуют артиллерией
Совсем молодой капитан
Да строгий, боями проверенный,
Седой старшина – ветеран.
«Каждый снаряд по цели,
Лишних нет у нас!»
Танки, танки в прицеле
Ловит наводчика глаз.
Выстрел! – «Дымится сволочь!»
Ищет прицелом другой.
В пушку снаряд осколочный,
Земля поднялась горой.
Свалился наводчик замерший,
Кровь залила прицел,
Навзничь упал заряжающий,
Выстрелить не успел.
Бой затихает, мало
В поле осталось машин,
Но и гвардейцам досталось:
Гибнут один за другим.
Всё тише рёв моторов,
Заставили их замолчать.
Но там, на косогоре,
Некому больше стрелять.
В поле, в истерзанном поле
Танки повсюду горят.
В засаде на косогоре
Разбитые пушки лежат.
Лежат и орлы сибирские,
Землю прикрыв собой,
В тяжелом бою выстояли,
То был их последний бой.
В живых лишь осталось двое:
Раненый капитан
Да с перебитой ногою

Седой старшина – ветеран.
По полю к артиллеристам
Последних два танка ползут,
Оттуда не слышно выстрелов,
Опасности немцы не ждут.
«Ну что же, давай прощаться. -
Сказал старшина седой, -
Врагу не дадим прорваться,
Что слева идёт,- будет мой»
Гранатами обвязался
И быстро навстречу ползком,
Мгновение: взрыв раздался,
И танк закрутился волчком.
Второй рванулся быстрее,
Мотор надрывно ревёт,
С землею смешал батарею
Хочет зарыть живьём.
Траками в бруствер врезаясь,
Захлопнул бронёю капкан,
В окопе к груди прижимает
Связку гранат капитан.
Смрадом солярки душит,
В землю хочет загнать,
А мысль разрывает душу:
«Сознание б не потерять!»
Видно, немцы решили:
Для них закончен бой,
Люки в танке открыли,
Высыпали гурьбой.
Растерянно озираются:
На сколько хватает взгляд,
Дым к небу поднимается,
Танки в поле горят.
Но тут капитан очнулся,
С трудом с себя землю стряхнул,
Фашистов увидел, пригнулся
И связку гранат метнул.
Всё кончено ... До боли
В ушах тишина звенит,

Скрип колеса в поле,
Солдатская кухня спешит.
Солдат козырнул лихо:
«К раздаче могу приступить?»
Сказал капитан тихо:
«Некого больше кормить»
А в тишине тем временем
Рёв тягачей нарастал,
На западном направлении
Резервный полк наступал.

Я русский солдат

Я русский солдат, за родную Россию
Любые преграды без страха осилю.
Я в армию призван страну защищать,
Не раз приходилось мне насмерть стоять.

Не только на Родине славу снискал,
Я странам соседним в беде помогал.
В Европе земля моей кровью полита,
Могилами братскими плотно покрыта.

Французу лукавому трепку задал,
Фашистскую гидру я в землю вогнал.
Народам Европы желанным был, близким,
За подвиги ставили мне обелиски.

Сейчас что случилось, мне трудно понять,
Зачем обелиски те стали ломать?
Недавно совсем осыпали цветами,
Теперь же озлобленно долбят ломами.

Забыт Беркенау, Освенцим забыт,
У ног дяди Сэма Европа лежит,
Он долларам манит, грозит хлыстом.
Она ж ему машет смиренно хвостом.

Бандеровцы голову вновь поднимают,
На Родину нашу озлобленно лают.
Напрасны угрозы родимому дому,
Хребет поломаю врагу я любому.

Напрасен тот лай, он летит в пустоту,
Я - Русский солдат, я стою на посту!

Содержание

Об авторе
Творчество Николая Башева

Басни

Охотники
Три пса
Челобитная
Критик
Про зубы
Крот и Мышь
Рады встрече...
Человек и змея
Маракасы
Кукушка с претензиями
Флюгер и труба
Две реки
Пчела и муха
Волки и собаки
Сапоги и туфли
Про клопа
Пустое ведро
Выборы в лесу
Скупой осел
Проводы Осла
Осел-летун
Козел-подхалим
Справедливый волк
Собачья жизнь
Обида
О жадности
Ворона и соловьи
Барсук и местный олигарх
Василек и пшеница
Заноза
Кастинг
Дуб и березы
Без выбора
Жалоба
Лекари

Хромой верблюд
Прав ли Дарвин ?
Баран на болотной
А пес любил капитализм
Царская дружба
Коньяк и вино
Зодчие
Две свиньи
Ворона и заяц
Любвеобильная муха
Коровы в танцах
Лужа и ручей
Пьяный заяц
Песчаный дворец
Богатству ум не помешает
Презентация
Перемены
Ворона и журавль
Сатира и юмор
Заболел
Собственники
Не угодил...
Цензура
Дело случая
Случай на переезде
Про жизнь
Старинная мудрость
Выборы
Новый бригадир
Что за народец!..
Истина
Скрипач и вельможа
Юбилейная сказка
Престарелым женихам...
Всё в меру
Про науку
Стихи
Я так спешил от жизни не отстать
Футбольный мяч

Пчелка
Пчелиный рой
Осень
Светофор
О погоде
Старая мельница
Гильотина
Руки матери
Хлеб
Умирают в России села
Я помню...
Какая благодатная пора
Зима
В Крымских горах
Костер
Чарли Чаплин
Мне кажется, что был я на войне
Поединок
Я русский солдат